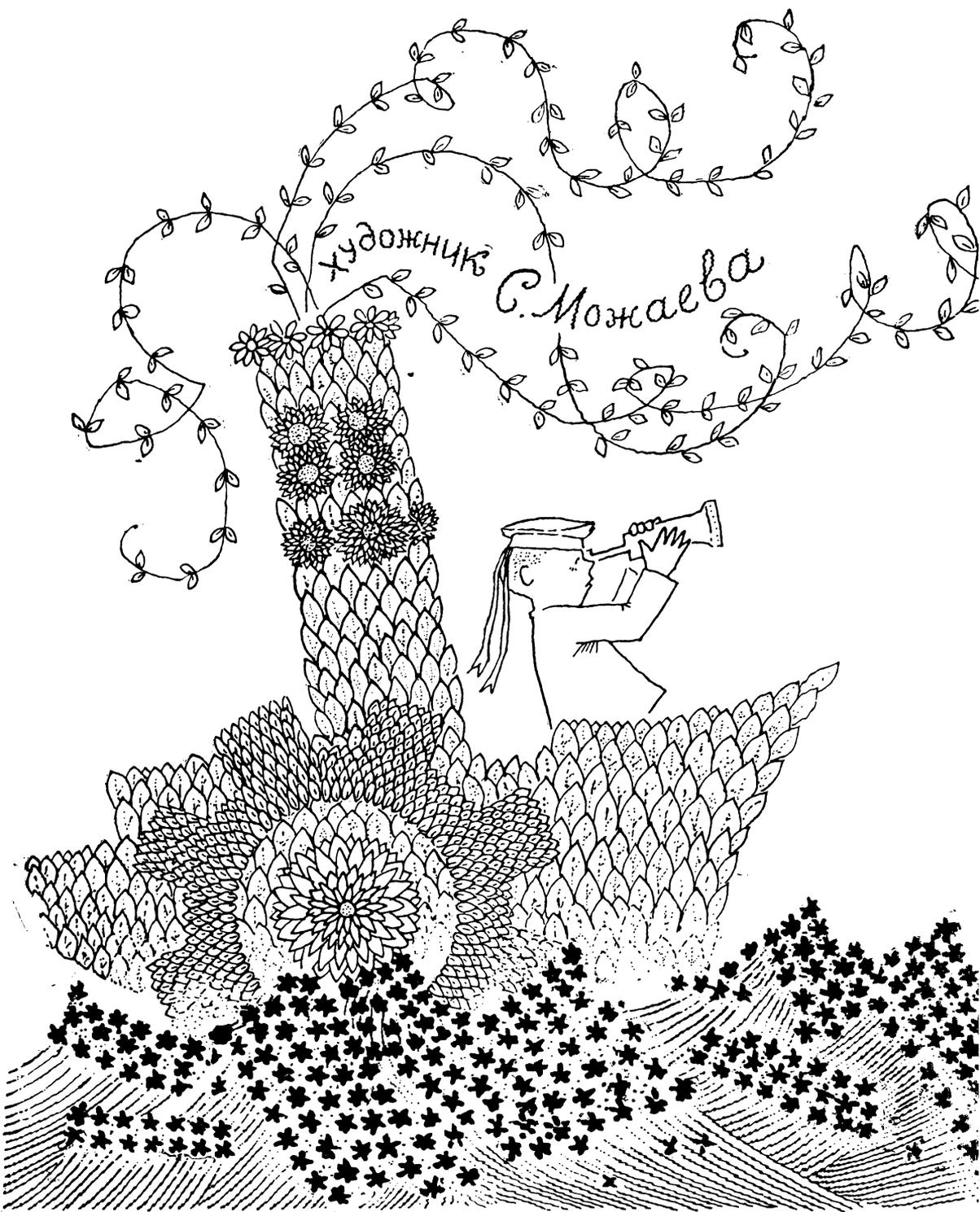

ЛЕВ КУЗЬМИН

ЧЕТВЕРО В ТЕЛЬНЯШКАХ

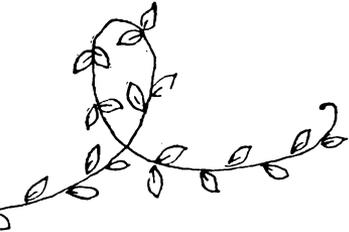

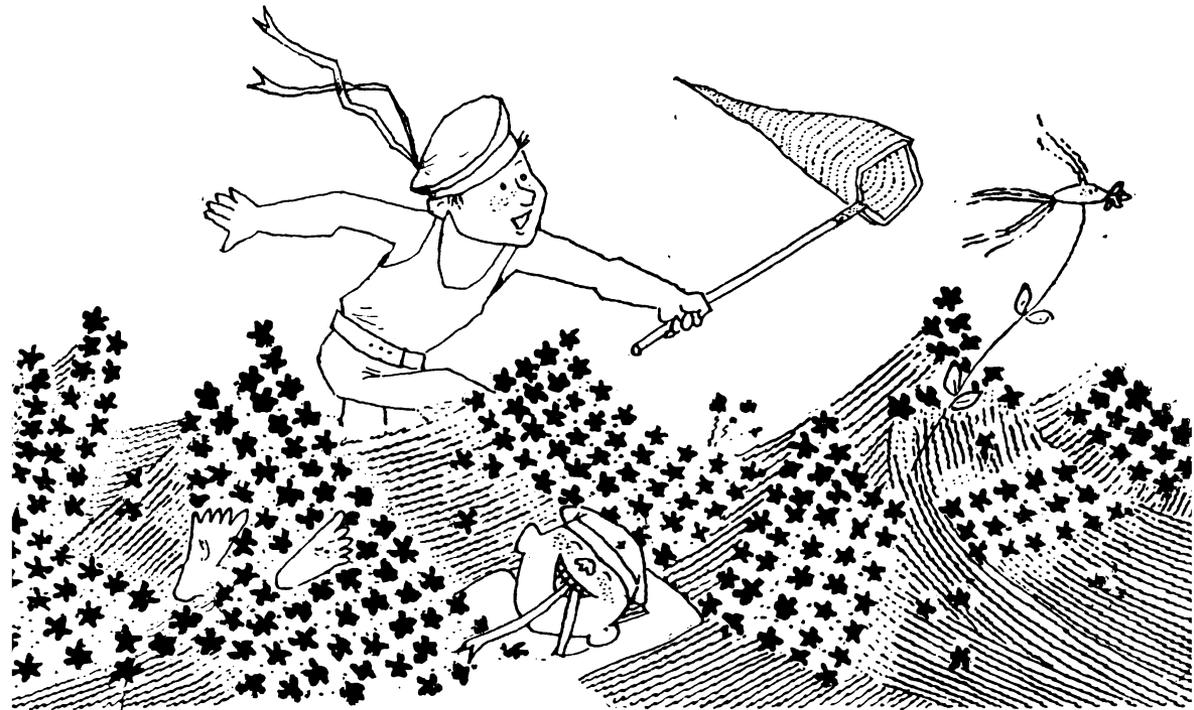

ХУДОЖНИКЪ
С. Можалева

ЛЕВ КУЗЬМИН

ЧЕТВЕРО В ТЕЛЬНЯШКАХ

P2
K.89

Индекс 7-6-1

В маленьком Даль-городке две улицы и один переулок. На первой улице живут сапожники. На второй улице живут молочницы. В переулке стоит красный домик, вокруг домика сад, а в саду — Цветочное море!

Цветочное море придумал папа.

Папа — учитель географии. У папы борода лопаточкой, во рту курительная трубка, она громко посвистывает, но ... не дымит.

Трубка перестала дымить вот почему.

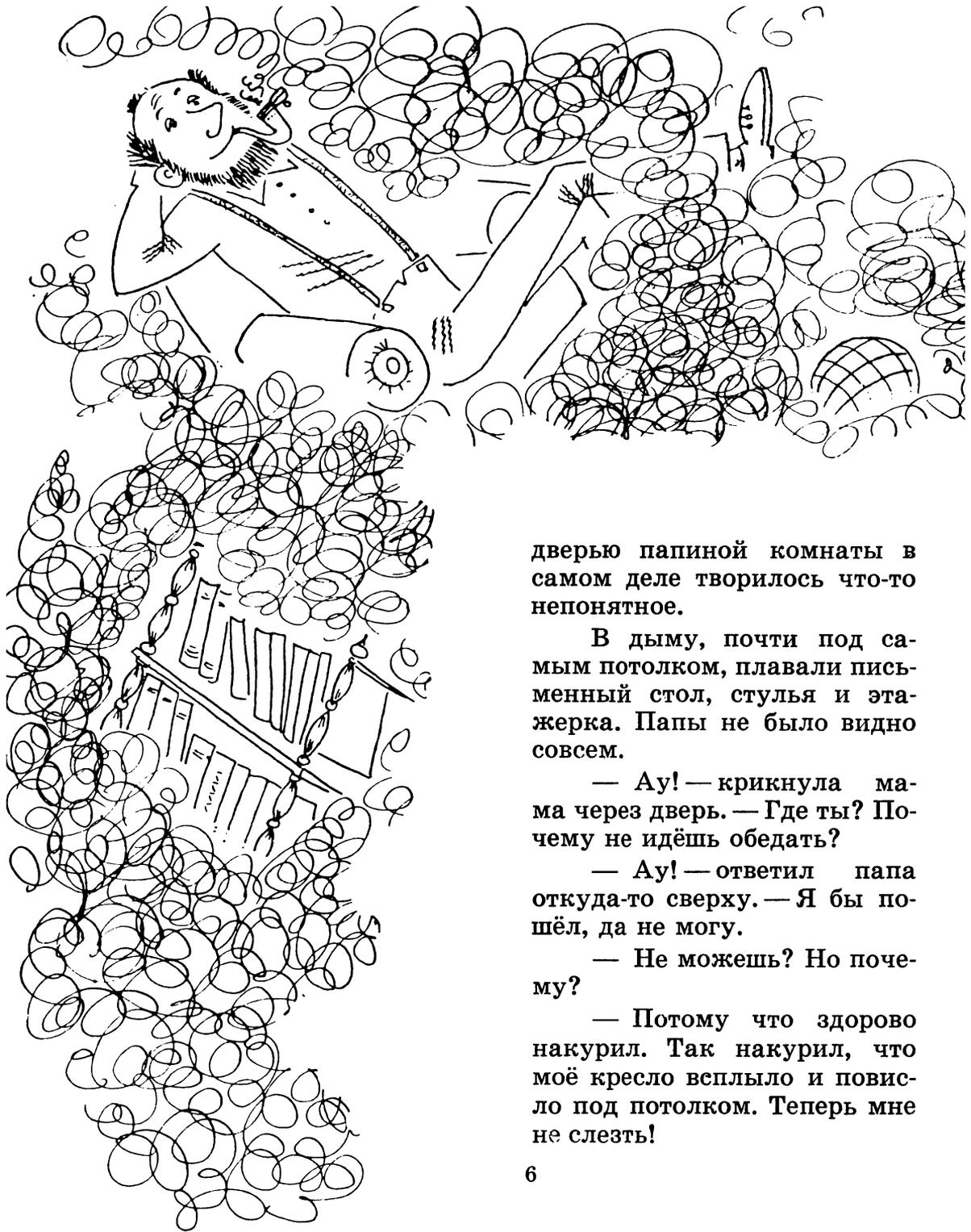
В один прекрасный день мама сварила борщ по-флотски, поставила тарелки на стол и пошла звать папу. Она хотела распахнуть дверь папиной комнаты, но дверь не поддавалась.

Мама ещё раз толкнула дверь, но та опять не поддавалась. Дверь как будто кто-то придерживал изнутри, а из дырки для ключа шёл дым.

Тогда мама протёрла фартуком очки, прищурилась и заглянула в дырку.

— Ух, вилливауз! — сказала она морское словечко, да так и попятилась. А всем известно: если мама говорит «Вилливауз!», то наверняка произошло что-то выдающееся. Ведь вилливауз — это не что-нибудь, а морской ветер. Да и не просто морской, а который дует только в одном-единственном месте на всём земном шаре — в далёком Магеллановом проливе.

Так вот, мама сказала: «Вилливауз!» — и не зря! За

дверью папиной комнаты в самом деле творилось что-то непонятное.

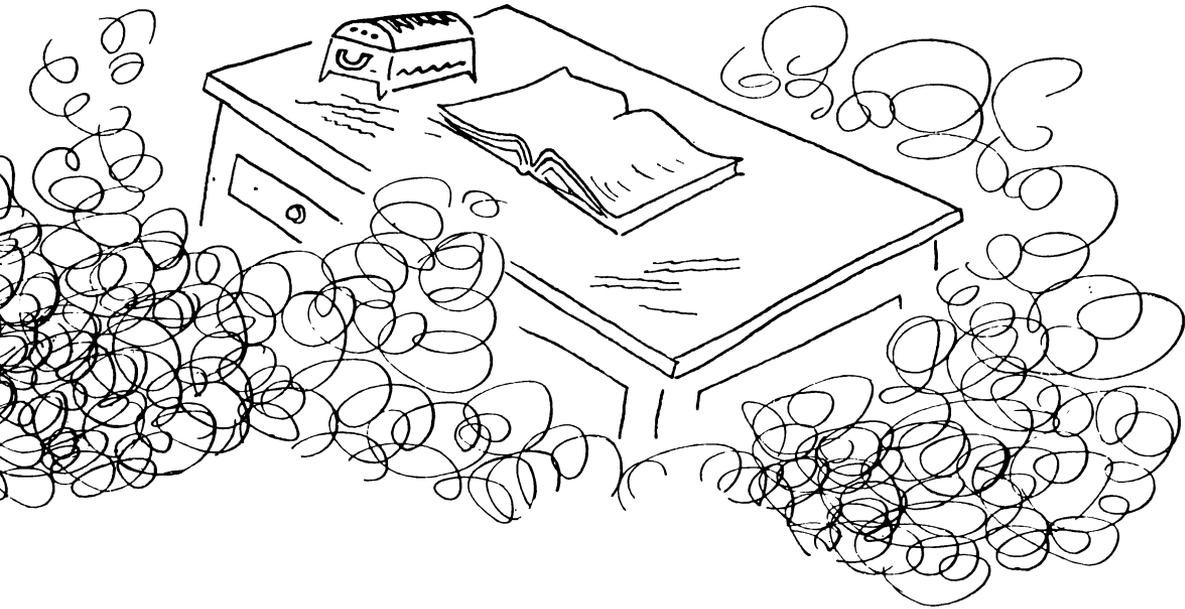
В дыму, почти под самым потолком, плавали письменный стол, стулья и этажерка. Папы не было видно совсем.

— Ау! — крикнула мама через дверь. — Где ты? Почему не идёшь обедать?

— Ау! — ответил папа откуда-то сверху. — Я бы пошёл, да не могу.

— Не можешь? Но почему?

— Потому что здорово накурил. Так накурил, что моё кресло всплыло и повисло под потолком. Теперь мне не слезть!

— А ты постарайся дотянуться до форточки и выпусти дым на улицу.

— Постараюсь, — ответил папа.

Через минуту послышался стук форточки, и дым пошёл на улицу с протяжным свистом. Письменный стол, стулья и кресло с папой опустились на свои законные места.

Дверь в комнату отворилась легко.

Тогда мама сказала:

— Летающая мебель мне нравится. Но если ты накуришь покрепче, не взлетит ли потолок?

Папа посмотрел вверх, увидел на потолке трещинки, очень удивился и трубку погасил.

Именно с этого дня трубка у него посвистывает, но не дымит.

Папа соглашается с мамой во всём, не соглашается только носить вязаный колпак.

— Посмотри, — уговаривает мама, — какой чудесный колпак с помпоном я связала. В нём, да еще с трубкой, ты как заправский китобой. А кроме того, колпак прикроет твою лысину, и по ней в ненастную погоду не будет шлёпать дождь.

— Пусть шлёпает! — отвечает папа. — Пошлёпает, пошлёпает да, глядишь, у меня и опять вырастут кудри. Мне очень хочется стать китобоем, но колпак с помпоном носи на здоровье сама.

И колпак мама носит сама, и вид у неё вполне китобойский.

А ещё в домике живёт-поживает мальчик Шурка. Он тоже собирается стать моряком-китобоем. Он тоже разбирается в морских делах не хуже папы, не хуже мамы. Да это и неудивительно: ведь Шурке девять лет, и человек он вполне самостоятельный.

Теперь слушайте дальше. В калитку на Цветочном берегу по сто раз на день забегали чумазые соседи-сапожники, любовались морем и говорили:

— Чудо! Откуда ни посмотри — чудо! Сразу видно, что тут живут толковые люди. Вот если бы они захотели, мы бы их научили и новые сапоги шить, и старые каблуки подбивать, и варить сапожную мазь на скипидаре. Такая тонкая работа у них, конечно, тоже получится.

Следом приходили румяные молочницы и тоже говорили:

— А мы бы таких толковых людей с радостью позвали мыть кринки из-под молока. Уж кто-кто, а они ни одной кринки не разобьют...

Но хозяева домика не собирались ни сапоги шить, ни глиняные кринки мыть. Они думали совсем о другом.

Они мечтали сделать так, чтобы волны Цветочного моря колыхались не только у них в саду, но и рядом с дальгородковской школой, и рядом с кинотеатром, и возле сапожных мастерских, и у магазина, где в ярких жестяных банках продаются сливки да морская капуста.

И они, наверное, так бы и сделали, если бы им кое-что не мешало.

А мешало вот что...

Папа, мама и Шурка всё время думали: «А вдруг наше Цветочное море не такое уж хорошее? Вдруг оно совсем не похоже на взаправдашное? Нет, надо нам сначала к настоящему Синему морю съездить, настоящее Синее море посмотреть, а потом уж делать то, что задумали».

Но поехать всё не удавалось.

Путь предстоял неблизкий, а оставлять Цветочное море без присмотра, сами понимаете, нельзя.

За Цветочным морем надо ухаживать, море надо поливать.

Ведь волны в саду — это голубые васильки.

Пенистые гребни на волнах — это ромашки.

Чайки сделаны из ярких шапочек белоголовника, а парход с каютой и трубой — из кустов акации.

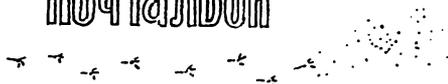
Ну как оставишь такое море без присмотра? Никак не оставишь!

Правда, папа говорил:

— Ничего, друзья! Не будем смущаться, будем надеяться. Вот стоит мне закрыться в комнате да как следует посвистеть трубкой, так я сразу что-нибудь и придумаю.

Но он пять раз уже закрывался и свистел трубкой, а придумать пока ничего не мог. И тут ещё пришла великая-превеликая беда.

НЕВЕСУЧИЙ КРАБ И ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ ПОЧТАЛЬОН

В тот день, когда папа сидел взаперти шестой раз, Шурка взял да и вынес на улицу маминого краба.

Этот краб был неживой, и весь-то — с кнопочку, хранился он для коллекции, но всё равно с ним было интересно поиграть, и Шурка положил его на траву, на солнышко. Но только положил, как через двор метнулось что-то крылатое, носатое и — краб исчез!

Шурка ойкнул, а носатое, крылатое обернулось обыкновенной вороной Каргой, старой склочницей и воровкой.

Карга уселась на забор, почистила клюв, закаркала:

— Кар-р! Кар-р! Краб хрустнул, как сухар-рик! Кар-р! Кар-р!

Папа распахнул окно, чуть не выронил трубку и с досады закричал:

— Шур-рка, р-разиня! Ну что ты наделал? В старину на корабле не миновать бы тебе чулана-карцера!

А мама выбежала во двор, сгоряча спутала колпак с носовым платком и начала протирать помпоном очки. Она так надавила, что одно стёклышко не выдержало и треснуло.

Тогда мама охнула и побежала принимать успокоительные капли. И накапала их не в чайную, а в столовую ложку.

— Такого крабика, как этот, нам теперь не достать. Мы и к Синему-то морю съездить не можем, а он был из Японского!

Мама так загоревала, так загоревала, что Шурке хоть пропадай. Хоть со стыда проваливайся сквозь круглую землю туда, где жители-американцы ходят вверх ногами.

Но выручил папа.

Папа испугался, как бы Шурка на самом деле не провалился, и сказал:

— Ну, ну, ну! Не надо так расстраиваться. Если несчастье и стряслось, то теперь-то оно позади. Теперь по всем правилам, по морским и океанским, на горизонте должно появиться счастье. Послушайте лучше, как весело свистит моя трубка.

Папа потянул через трубку воздух, она по-птичьи свистнула: «Ци-фить! Ци-фить! Ци-фить!» — и Шурка улыбнулся.

Он сел на ступеньку и стал ждать счастья. Ждал пять минут, ждал десять минут, смотрел на калитку, смотрел за калитку, но счастье почему-то не приходило. Пришёл всего-навсего папин приятель — почтальон Ладушкин.

Шурка подумал: «Может, счастье лежит в почтальонской сумке?» — но Ладушкин вынул только газеты. Он подал их папе в окно, сказал: «Наше вам с кисточкой!» — и уселся на скамейку.

Ладушкин всегда начинал свои почтальонские дела с того, что усаживался на скамейку.

Ладушкин любил с утра полистать страницы и поглядеть картинки в свежих журналах.

И никто на Ладушкина за это не сердился, никто не обижался. Ведь он узнавал из журналов и потом всем рассказывал не какие-нибудь пустяки, а всемирные новости. Например, Ладушкин мог точно сказать, почему нынче киты-кашалоты в Тихом океане, и как выращивают цветочную рассаду в Африке. В горшках или без горшков, книзу корешком или кверху верхком.

Вот и сейчас он уселся на берегу Цветочного моря и раскрыл журнал «Кошки-мышки». Раскрыть-то раскрыл, да перелистывать не стал. По всему было видно, что ему не

терпится выложить новость, причем не журнальную, а свою собственную.

И он выложил:

— У нас на вокзале сидит Дама! Дама с ребятишками. Дама приехала из Синеморска, она ждёт такси.

Ладушкин думал, все скажут: «Да что ты? Да откуда в нашем городке такси?» — но все обрадовались и заговорили о другом.

— Ну-у! — сказал папа. — Неужели с берегов Синего моря? — И выставился из окна, чуть не задев почтальона бородкой.

Мама тоже выглянула. Очки у неё так и сияли.

— Вот это радость, так радость! — сказала она. — Вот у кого можно узнать, получилось у нас Цветочное море или не получилось. Эту Даму надо пригласить к нам! И немедленно!

А у Шурки встал торчком вихорок на макушке.

Шурка кубарем скатился с крыльца, он — скорей, скорей — помчался на вокзал.

— Молодец Ладушкин! Право слово, молодец! Принёс такую хорошую новость!

И, чтобы ноги проворней неслись к вокзалу, Шурка помогал им песенкой про славный город Синеморск:

Раз, два!
Курс на ост!
Через речку,
Через мост!
И в конце пути-дороги
Встретишь город Синеморск!
Вместо труб на красных крышах
Там белеют маяки.
В Синеморске все мальчишки,
Все девчонки — моряки.
Три, четыре!
Три, четыре!
Это лучший город в мире!

Там у каждых у ворот
Пришвартован пароход,
Там живут морские волки —
Замечательный народ!

— Три, четыре! Три, четыре! — торопился Шурка, чтобы посмотреть на живых синеморцев, а если повезёт, то и познакомиться с ними.

Вот и узенький перрон с тесовыми ларьками, вот и вокзал в тени тополей. Пассажирский поезд прошёл, на перроне пусто, дверь вокзала нараспашку.

Шурка с разгона зацепился за порог и проехался по гладкому полу, как на коньках.

— Молодой человек, осторожнее! — раздалось в гулком зале, и Шурка притормозил. А когда глянул — даже зажмурился.

Перед ним на диване сидела такая Дама, каких он никогда и не видывал. Платье на Даме розовое, в причёске розовый бант, под бантом щёчки-яблочки, нос — как вишенка, и только глаза голубые.

Вокруг дамы лежали кульки, коробки, пакеты, и все с конфетами, все с конфетами, все с конфетами.

Возле кулков примостились два толстеньких мальчишка в розовых костюмчиках, они всю нахрупывали карамель. Мальчишки были похожи на круглые нулики, мамаша — на восьмёрку с пояском, а всё семейство вместе — на число 800. Только нулики были маленькие, а восьмёрка большая.

— А я-то думал, приехали волки... — разочарованно протянул Шурка.

Мальчишки замерли, Дама вздрогнула:

— Какие волки?

— Бывалые, морские, синеморские.

— Ах, вот ты про что! Нет, мальчик, мы не волки. Мы живём в Синеморске, но стараемся с морем дела не иметь.

— Почему не иметь?

— Морское дело опасное, — вздохнула Дама.

— Ну уж! Опасное... Если бы я жил у моря, я бы из него не вылезал! Я бы плавал, как рыба, нырял, как дельфин, плескался, как морж — вот! — подмигнул Шурка мальчишкам.

Те уставились на Шурку, а Дама вдруг насторожилась:

— Мальчик, мои дети в моржи не собираются. У Мики с Никой слишком слабое здоровье.

Мика с Никой, вспомнив про своё слабое здоровье, важно надулись и сели к Шурке спиной.

В дверь влетел воробей, нацелился на пустой фантик. Братья замахнулись — воробей едва успел удрать.

А Шурка постоял, постоял и только хотел сказать: «Эх, вы! Да у вас от конфет не то что здоровья, у вас от конфет и зубов не останется...» — как Мика с Никой ухватились за щёки и разом заревели:

— Ой, зубы! Ой, зубы! Ой, зубоньки!

А потом полезли с ногами на диван, а потом ещё выше, на дубовую спинку дивана.

Дама всполошилась:

— Вот видишь, мальчик, что ты наделал? Дети больны, а ты пристаёшь!

Но разве Шурка приставал? Он и не думал приставать. Глядя на Мiku с Никой, он и сам чуть не заревел, да тут вошли радостные папа с Ладушкиным.

Папа вынул трубку изо рта, весело сказал:

— Здрасьте!

— Тс-с... — шепнул Шурка. — Тут больные.

Папа пригнул голову, повторил шёпотом:

— Здрасьте! Это вы из Синеморска?

— Боже мой, конечно, мы! Ох, неужели я вижу таксистов! — обрадовалась Дама и застрекотала чаще швейной машинки: — Знаете, как хорошо, что вы приехали; знаете,

нам надо к знакомой молочнице; знаете, а у меня дети; знаете, а у детей зубы... знаете-знаете, знаете-знаете!

Насилу папа выбрал момент и сказал:

— Мы не такси, мы прикатили тележку.

— Такси в городе нет, мы прикатили для вас отличную тележку, — повторил почтальон.

— Фи! — сразу остановилась Дама. — Так я и знала! Мы попали в ужасную глушь. — Но тут же опомнилась и начала командовать: — Мика, Ника, успокойтесь! Носильщики, выносите вещи, что же вы встали?

Папа с почтальоном переглянулись: «Вот здорово! То за таксистов нас принимают, то за носильщиков», — и потащили пакеты, коробки, кульки на улицу.

Там стояла садовая тележка. Оглобельки и колёса у неё были скрипучие, расшатанные, но она ещё верно служила для всяких полезных дел.

— Если дети больны, их можно посадить наверх, — любезно предложил папа.

— Нет, нет, что вы! На этой колымаге бедняжек растрясёт.

— А мы сядем. А у нас болят зубы. И мы пешком не пойдём, — заявили Мика с Никой. Они распихали пакеты по сторонам и взгромоздились на тележку.

Папа с Ладушкиным взялись за оглобельки, тележка покатила.

Когда выехали на Сапожную улицу, вымощенную камнями, экипаж затрясло. Но Мика с Никой ухватились за края, реветь не стали, только принялись жалобно охать.

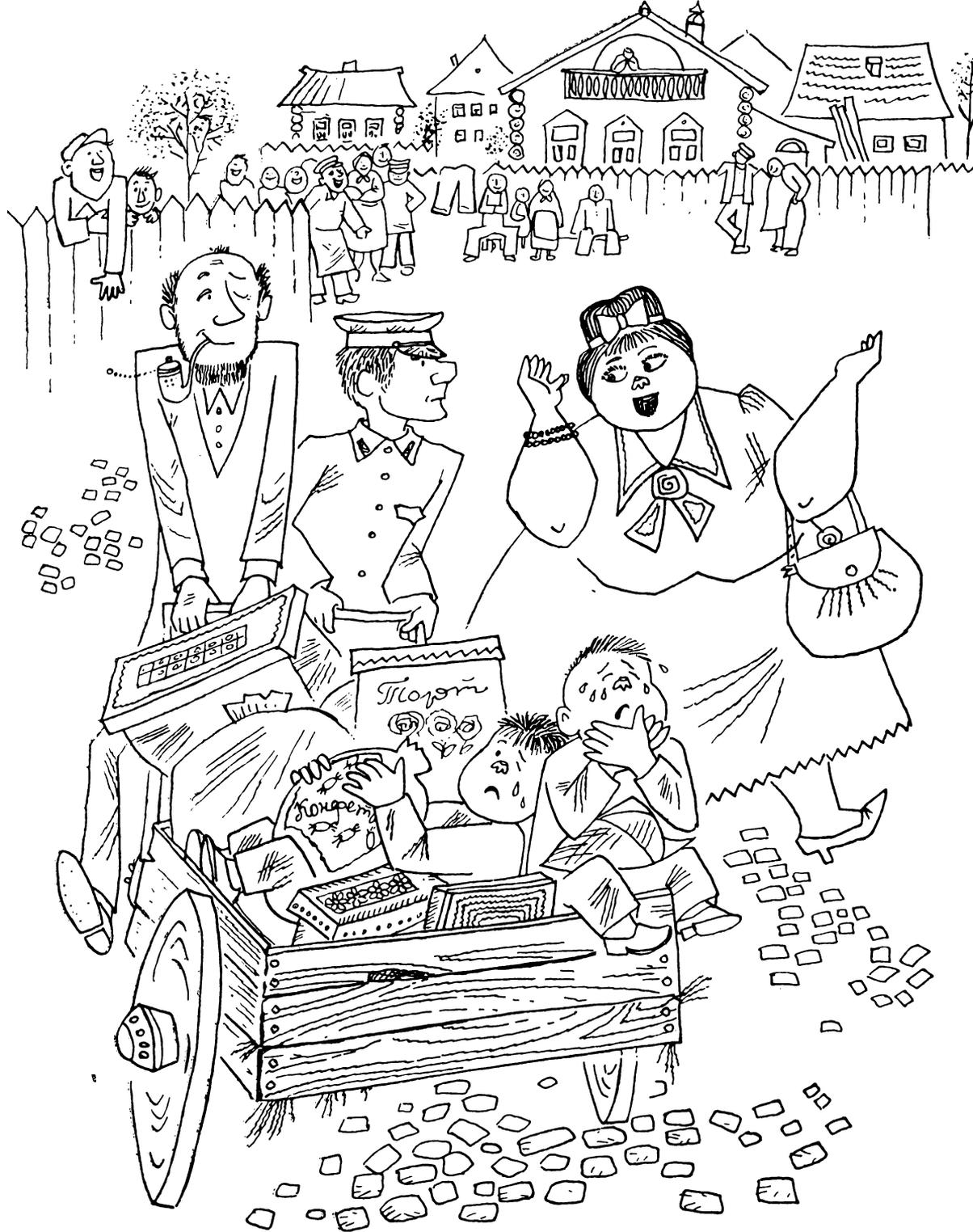
В сапожных мастерских раздавались голоса:

— Что это за оханье? Что это там за клохтанье на улице? А ну, тот, кто сидит у окошка, выгляни да посмотри — не больную ли курицу к ветеринару везут?

Тот, кто сидит у окошка, выглядывал, отвечал:

— Нет, не курицу. Это какие-то зарёванные ребята на тележке едут!

Сапожники принимались хохотать, но Дама на этот смех и внимания не обращала. Она рассказывала папе, ка-

кие Мика с Никой слабенки, какие нервненькие, и почему она привезла их в Даль-городок.

— Вы знаете, они всё время плачут. Вы понимаете, они всё время рыдают. А у вас в городке топлёное молоко, от которого дети улыбаются. Правда, в городке такое молоко?

— Правда, только его надо пить прямо с огня, горячим, — отвечал папа.

— А ещё лучше холодным, прямо из погреба! — вторил почтальон.

Шурка слушал этот разговор и думал: «Напрасно я обиделся на больных людей».

Но вот булыжная мостовая кончилась, тележка свернула за угол. Впереди показался высокий тын с воротами. На жёрдочках тына висели вверх дном пустые кринки, а дальше, за тыном, стояла большая изба.

Из ворот выглянула весёлая молочница, закивала, приглашая войти:

— Милости просим, заходите, заходите. По вашему заказу молоко стоит в печке, но есть и в погребе на льду. Пейте, какое хочется!

— Прекрасно. Мы будем пить и то, и другое, — ответила Дама, раскрыла кошелёк и зашуршала бумажками. — Сколько с меня за перевозку?

Папа даже покраснел.

— Нисколько! Мы ведь не за деньги, мы просто так. Мы очень любим синеморцев.

Папа почесал трубкой лысину и смущённо добавил:

— Мы сами некоторым образом приморские жители. У нас тоже есть море, Цветочное. Только мы сомневаемся: схоже оно с настоящим или не схоже. Вот бы вы пришли да и посоветовали нам что-нибудь, а? — ласково посмотрел он в розовое лицо Дамы.

— Да, да! — подхватил почтальон Ладушкин. — У них есть Цветочное море! Пожалуйста, сходите, посмотрите.

— Ладно, — согласилась Дама. — Вот Мика с Никой напьются молока, так и быть посмотрим. Но за перевозку надо рассчитаться.

Она взяла самый большой кулёк и вынула целую горсть конфет с фантиками и без фантиков. Шурка подставил подол майки. А пальцы Дамы начали почему-то разжиматься, разжиматься, конфеты с фантиками стали падать обратно в кулёк, и щедрая горсть постепенно превратилась в щепотку.

— Угощайтесь! — сунула Дама в Шуркин подол три слипшихся леденца. Сунула, подхватила пакеты и повела Мику с Никой в избу.

А почтальон Ладушкин достал карманные часы, приложил их к правому уху, послушал, встряхнул и приложил к левому уху...

Прикладывал, прикладывал, слушал, слушал, посмотрел на высокое солнышко, сказал: «Ого!» — и помчался разносить письма.

В красном домике поднялся переполох.

Шурке мама сказала:

— Намочи вихры, причешись как следует. Да не забудь умыться, не то гости подумают, что ты с цыплятами клевал, — а сама включила утюг и принялась гладить новое платье с вышитыми корабликами.

— Только бы не осрамиться. Где папа? Пусть наденет праздничный костюм в клеточку.

Папа бегал по цветочным берегам, поправлял каждый лепесток, каждый листик.

Воробьи, которые жили за карнизом крыши, и те волновались. Они прыгали вокруг папы, помогали как могли. Два воробья хватали с разных концов одну травинку, тянули в разные стороны. Толку от этого было мало, но зато шуму — хоть отбавляй!

И вот, когда все насуетились до упаду, в калитку вошли Мика, Ника и Розовая Дама.

— Добрый день! — выбежала мама навстречу. Она пропустила гостей вперёд, сняла колпак и принялась тереть помпон, как ромашку: понравится — не понравится, понравится — не понравится...

Папа от переживания вздохнул и показал на цветочные волны:

— Вот это и есть наше море. Проходите, смотрите, не стесняйтесь.

— Да мы и не стесняемся! — ответила Дама и принялась нюхать цветы.

А Мика с Никой пораскрывали рты.

И не произнесли ни звука.

Они уставились на зелёный пароход, захлопали ресницами.

Тут над волнами пролетел ветерок, чайки закачались, пароход словно бы поплыл.

Братья переглянулись. Мама шепнула Шурке:

— Нравится!! Наше море им нравится.

А Розовая Дама всё ниже нагибалась к цветам, всё нюхала, всё ворковала:

— Ух, какой дух! Лучше чем в парикмахерской! — Кончик носа у Дамы был в цветочной пыльце.

Но вот посреди волн Дама увидела свободное место и спросила:

— А почему здесь ничего не растёт?

— Это так надо, это специально, — весело ответил папа.

Он совсем успокоился, трубка у него посвистывала опять, как птичка.

Папа сказал:

— Это место приготовлено вот для чего... — И медленно расстегнул пиджак. И медленно, так чтобы все успели увидеть, вынул бумажный пакетик.

— Вот здесь, — постучал он пальцем по пакету, — вот здесь лежат семена цветов невиданной красоты. Сегодня семечки посею, завтра цветы вырастут, и каждый цветок будет похож на летучую рыбку. Семечки подарил мне на день рождения Ладушкин, а он их выписал из очень далёкой страны.

— Ну-ка, ну-ка, — потянулась Дама к пакету.

Папа осторожно развернул бумажку.

— Господи, какие они маленькие, чёрненькие, не похоже, что заграничные, — проговорила Дама и добавила своё любимое: — Фи!

И тут папа побелел, как мел: от этого самого «Фи!»

лёгонькие семена взметнулись, их подхватил ветерок — и они исчезли.

Воробьи кинулись в погоню, но ничего сделать не смогли. Крохотные семена растаяли в голубом воздухе.

— Ах, ах, ах! — воскликнула Дама. — Я извиняюсь, я сожалею. Более того, — она полезла в кошелёк, — более того, знаете ли, я заплачу! Надеюсь, вы много не спросите? Ведь семена были такие маленькие.

Мика с Никой увидели монетки, закричали:

— Купи! Купи! Пароход купи! — и наладились бежать по цветочным волнам к пароходу.

Шурка едва успел ухватить кругленьких братиков за рубашки, а мама крикнула:

— Нет, нет! Здесь ничего не продаётся! Здесь только смотрят!

— Как так, не продаётся? — изумилась Дама. — Тогда зачем цветы посажены?

— Здесь не просто цветы, здесь море! Вы понимаете? Море! Уймите, пожалуйста, своих детей — они вытопчут волны.

И тут Розовая Дама сразу обиделась и сердито сказала:

— Подумаешь, волны! Подумаешь, море! Да если хотите знать, ваше игрушечное море так же похоже на Синее, как та колымага — на такси. Да если хотите знать, настоящее море совсем не такое, как ваше.

Услышав эти слова, мама с Шуркой замерли, а папа, бедный, расстроенный папа побледнел ещё больше.

Но, наконец, он опомнился и спросил этак вежливо-вежливо:

— В таком случае, уважаемая сударыня... В таком случае, не соизволите ли сказать, какое оно, настоящее море? Как оно выглядит?

— Как выглядит настоящее море?

— Да! Настоящее.

— Н-ну, во-первых, оно большое, — Дама показала руками, какое море большое.

— Допустим, — согласился папа, — допустим. Но это во-первых. А во-вторых?

Мика с Никой встали на цыпочки, что-то шепнули Даме на ухо, та сразу оживилась и выпалила:

— Во-вторых, море мокрое! Вот!

— И всё?

— Всё! С нас хватит и этого.

— Да-с! — нахмурился папа. — Да-с, уважаемая сударыня! Ставлю вам двойку! Вы живёте на берегу настоящего Синего моря, а кроме того, что оно большое да мокрое, ничего сказать о нём не можете.

Дама-сударыня фыркнула, поволокла Нику с Микой

на улицу. Она так трахнула калиткой, что цветочные чайки всплеснули крыльями.

Ника показал Шурке язык, крикнул на прощанье:

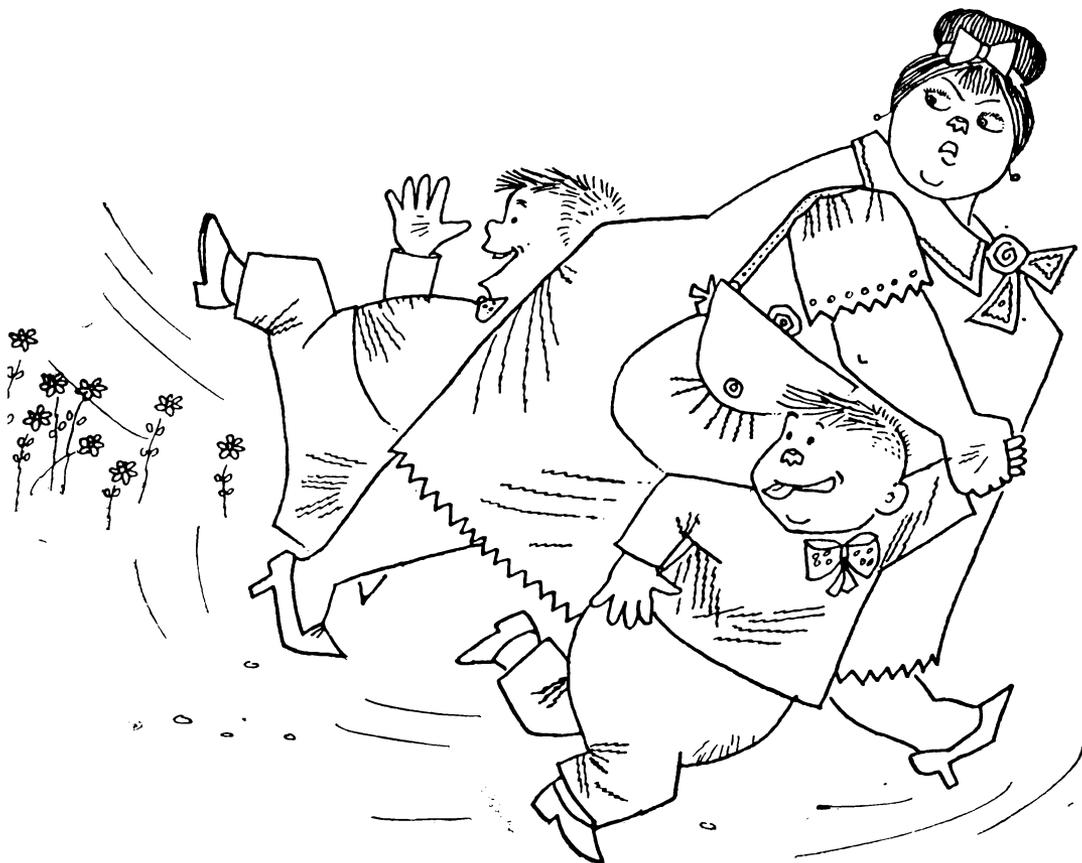
— Эй, ты! Сухопутный моряк! Моряк, с печки бряк!

Мика добавил:

— Морячок, на затылке пяточок!

Что-что, а дразниться братья умели.

Так в этот день и не сбылось папино предсказание о близком счастье-радости. Видно, за горизонтом оно куда-то завалилось. Видно, его склонула старая Карга вместе с крабом. Но впереди был вечер, и ещё неизвестно, чем он мог кончиться.

Вечером прибежал почтальон Ладушкин, плюхнулся на скамью и сказал:

— Товарищи, беда! На нас готовится нападение!

— Какое нападение? — опешили обитатели домика.

— Самое настоящее! Я слышал, как Мика с Никой сказали: «Нынче вечером сухопутные моряки попрыгают!»

— Вот ненормальные! — засмеялся Шурка.

— В том-то и дело, что нормальные. У них даже зубы теперь не болят.

— Неужели молоком вылечили?

— Нет, но с молока началось. Когда они вернулись домой, Дама потребовала молока из погреба. «А то, говорит, я очень разгорячилась, да и детей надо успокоить». Хозяйка молоко принесла, Мика с Никой выпили по целой кринке, и от холодного у них опять заломило зубы. Ох, они и заревели, ох и заревели, скажу я вам! Хозяйка со страху чуть не померла. Но потом взяла да и сбегала за доктором. Доктор вытащил у Мики с Никой больные зубы, и всю хворь у них как рукой сняло. Теперь они замышляют нападение.

— Но куда смотрит их мамаша? — возмутился папа.

— Мамаша никуда не смотрит. Мамаша, как только Мике с Никой полегчало, побежала на Сапожную улицу заказывать дамские сапожки. Братьев теперь никто не оставит. Нам надо занять оборону и вооружаться.

Ладушкин снял через голову сумку и стал оглядывать сад, словно собирался в нём рыть окопы.

Но папа сказал:

— Подождите, подождите! Насколько я разбираюсь в военном деле, лучше устроить засаду и взять Мику с Никой в плен. Взять, напоить чаем, побеседовать — и тогда они, может, перевоспитаются.

— Правильно, — согласилась мама. — Перевоспитать противника — самое благородное дело. И, главное, тут не надо никакого оружия. Идёмте, я уже готова!

Она сдвинула колпак набекрень и решительно зашагала вокруг Цветочного моря.

А Шурка засомневался: «Без оружия нельзя. Вдруг Мика с Никой в плен не сдадутся, что тогда делать?» Он забежал в домик, посмотрел туда-сюда, ничего подходящего не увидел и сунул в карман первое попавшееся. А попала ему деревянная ложка с толстым черенком...

Засаду устроили в трёх местах.

Папа притаился рядом с калиткой. Шурка с мамой зашли возле ограды, там, где была собачья лазейка. А почтальон Ладушкин залез под свою любимую скамью. Отсюда он мог в любую минуту прийти на помощь и папе, и маме с Шуркой.

Все затаили дыхание, перестали шевелиться, начали ждать.

И вот за оградой послышались осторожные шаги.

— Идут, — шепнул Шурка.

— Тш-ш... — зашипела мама. — Замри и не двигайся.

Шаги смолкли у калитки. Но калитка не отворилась, а тихо-тихо зашуршали лопухи, что росли вдоль забора. Донеслись глухие, таинственные голоса:

— Мина у тебя?

— У меня.

— Смотри, осторожнее. Сам не подорвись. Взрыватель на месте?

— На месте.

— Ну, ставь!

В лазейку просунулась рука, в ней спичечный коробок. Мама хотела ухватить коробок вместе с рукой, но коробок раскрылся и...

— Караул! Мышь! — закричала мама.

Она подпрыгнула, обронила очки и понеслась напрямик по Цветочному морю. А из лазейки выглядывал Ника. Он сиял, он хохотал, он радовался.

Тут Шурка выхватил деревянную ложку, треснул противника по лбу, ложка раскололась, Ника завопил: «За-сада!» — проскочил назад, сшиб Мику и что тут началось — ужас!

Мама очутилась на садовой скамейке, прыгала, кричала:

— Спасите, спасите, спасите!

Ладушкин пыхтел под скамейкой, никак не мог выбраться. Папа потерял трубку.

Шурка гонялся за Микой и Никой вокруг ограды, а те бегали и кричали:

— Всё равно ваше море не настоящее! Всё равно ваше море некрасивое! Мы всем, всем это скажем! Цветочное море плохое, плохое, плохое!

А море в самом деле стало уже не таким, каким было раньше. Пробежав по нему напрямик, мама смяла цветочных чаек, уронила пароходную трубу и оставила среди волн такую дорогу, что и за три дня ничего нельзя было поправить.

Когда Ладушкин разыскал мамины очки, а папа свою трубку, все пошли в домик. Мама сдёрнула с головы китобойский колпак и хотела забросить его на шкаф.

— Наши труды погибли, а виновата во всём я!

— Нет, — остановил маму Ладушкин, — если искать виноватых, так больше всех виноват я. Не залезать бы мне под скамейку, а сидеть бы вместе с вами около забора. Ведь я мышей не боюсь, и море осталось бы целёхонько. Но раз я виноват, я сам всё и поправлю! А теперь сидите дома и ждите меня. Без меня, пожалуйста, ничего не делайте. Пожалуйста, не волнуйтесь, потерпите, я скоро...

Терпеть было трудно.

Шурка лежал в постели, ворочался с боку на бок, всё не мог уснуть.

Мама, не раздеваясь, прикорнула в кресле, а папа не ложился совсем. Он шагал по комнате от стенки к стенке; трубка его не свистела, а сердито пыхла. И, конечно, если бы в эту ночь он трубку зажёг, то от дыма взлетели бы и потолок, и крыша.

А почтальон всё не возвращался. Не пришёл ночью, не пришёл утром, не появился даже в полдень. Терпеть и ждать стало ещё трудней.

К тому же в сад явились друзья-сапожники и давай шептаться под окном:

— Глядите-ка, Цветочное-то море измято! Может, мы зря его хвалили, а? Может, оно и верно, пустяковое? Вот, слышь, синеморцы смотрели, да не похвалили.

— Не похвалили, не похвалили! Есть такие слухи, есть. А синеморские ребята говорят: «Сотворим чудо лучше этого!»

Тут папа не выдержал, захлопнул окно, а мама взяла со стола школьный глобус, крутнула его, и тот завертелся волчком.

Мама сказала:

— Куда же Ладушкин-то пропал? Нет, нечего нам ждать, пойдём и попробуем починить море без Ладушкина.

— Пойдём,— ответил папа. Он крикнул: — Шурка, где ты? — Но Шурки и след простыл.

Шурка мчался к избе молочницы посмотреть, какое такое чудо затеяли сотворить кругленькие братья. Он подбежал к тыну, раздвинул жёрдочки, заглянул во двор.

За жёлтой кучей соломы сидели Мика с Никой. Они отдыхали после трудной работы. Рядом валялась лопата и темнела только что вскопанная грядочка длиной в полшага.

— Перепашем весь двор, сделаем Цветочное море лучше этих... — Мика мотнул головой в сторону красного домика. Мотнул, пощупал пальцем дырку во рту, где раньше сидел больной зуб, сплюнул.

— Конечно, сделаем! Только вот маманя не забранилась бы. Скажет, себя не жалеете, — потрогал круглую шишку на лбу Ника.

А Шурка наострил уши.

— Что маманя! Причём тут маманя? Думаешь, она разбирается? Да если хочешь знать, так у них... — Мика опять кивнул головой на красный домик, — так у них не так-то всё и плохо.

— Да ведь ты сам вчера кричал, что плохо?

— Мало ли что я кричал! Тогда я кричал нарочно, а теперь говорю всерьёз. Они только в одном ошиблись...

— В чём? — спросил Ника.

— В чём? — чуть не спросил Шурка, да вовремя спохватился.

— А в том, что разрешают смотреть море бесплатно.

— Вот-вот! И я так же подумал. Но мы-то не промахнёмся, мы станем показывать свои честные труды за денежки. Закроем ворота, пропилим окошечко, будем продавать бумажные билетки. Как бумажка — так денежка, как бумажка — так денежка. Пожалуйста, почтенная публика, платите, заходите, хоть до ночи смотрите! В два счёта разбогатеет. — И Ника, выставив круглое пузичко, чинно прошёлся вокруг крошечной грядки.

Мика встал, поддёрнул штаны:

— Точно! Только вот семечки найти бы...

— Найдём! Я заметил, куда они полетели.

— И я заметил. Когда маманя сказала «Фи!», их понесло к речке, за огороды. Эх, найдём семечки — перво-наперво сделаем летучих рыбок!

— Сделаем!

— И заживём припеваючи.

— Заживём!

Братья пустились в пляс:

Эх, тили-тили-точки!
Вырастим цветочки,
Тогда у нас в карманах
Монетки зазвенят!
А раз у нас монетки,
Не станем есть конфетки,
А будем —
Фу-ты, ну-ты! —
Хрупать шоколад!

Поплясали, отдышались, и Мика вынул из кармана увеличительное стекло в медной оправе.

— Смотри, какую штуковину я в хозяйской избе нашёл.

— Утащил?

— Не утащил, а нашёл! В это стекло, Никушка, не то что семечки, в это стекло и микроба разглядеть можно.

— Ух ты! — обрадовался Ника. — Тогда давай сейчас и побегим к речке. А копать будем завтра.

— Давай!

Братья помчались к речке. Пока Шурка перелезал через тын, они скрылись за садами, за огородами. Но Шурка тоже припустил как следует, вскоре толстеньких братьев догнал и спрятался за мшистой кочкой на лугу. Мика с Никой ползали там в густой высокой траве.

Мика ворчал, злился:

— Ничегошеньки тут нет! Здесь одни коренья, дохлые жуки да тусеницы.

— А ты увеличивай сильнее, увеличивай!

— Да я и так увеличиваю, больше некуда. Вон лягушонок, и тот с бегемота показался.

— Дай глянуть.

— На, глянь!

Мика протянул брату стекло, тот хотел взять, но...

Но Микин брат ойкнул и просипел не своим голосом:

— На нас и вправду идут бегемоты.

Мика замер, оглянулся и басом загудел:

— Это не бегемоты! Это куда хуже! Это идет бык, а за ним коровы!

Бежать было поздно. Мика с Никой шлёпнулись на траву, уткнулись носами в землю. Шурка тоже смирёхонько притаился за своей кочкой.

А пёстрый бык — трюх, трюх, трюх — вперевалочку направился прямо к мальчишкам.

Он встал над притихшим Никой, он обнюхал розовые штанишки, изумлённо мыкнул и трижды потряс кудрявой башкой.

А потом обнюхал Мику.

А потом направился к Шурке.

Коровы, все как одна, двигались за быком. Они тоже нюхали, тоже взмыкивали, так же трясли рогами. Продолжалось это долго. Ведь коров-то было целое стадо, а там ещё и слюнявых телят толклось не меньше дюжины.

Шурка в другое время ни за что бы не вынес такого унижения. Шурка в другое время наподдавал бы и коровам, и быку, но тут приходилось терпеть. Хотелось узнать, найдутся чудесные семечки или не найдутся.

Наконец, стадо натешилось, удалилось. Мика с Никой подняли головы.

— Да-а, брат, хватили мы страху! Даже семечки разыскивать не хочется.

— Какие тут семечки! Теперь тут одни коровьи следы. Давай вот разве у самой речки поищем?

Братья встали, немного почистились, побрели к песчаной отмели. Шурка, раздвигая заросли таволги и осоки, юркнул за ними.

Теперь он лежал среди пахучих стеблей — только нос наружу — и поглядывал то на братьев, то на речные камушки-галки. Мокрые, закруглённые, они были такие красивые, словно кто-то взял да высыпал в речку мешок разноцветных пуговиц.

И вдруг — ух ты! — Шурка увидел камушек, удивительно похожий на краба.

Шурка — цап-царап! — схватил находку.

Рядом — хруп! — хрустнула сухая ветка.

Братья уставились на Шурку.

— Ты что подглядываешь? Ты что подглядываешь? Ты зачем камни хватаешь?

— Больно мне надо, подглядывать! — сказал Шурка и поднялся. — Я и так знаю, что вы тут ищете. Да только напрасно стараетесь!

— А вот и не ищем! А вот и не ищем! А чего ты камень схватил? Опять драться, да? Смотри, нас двое!

— Подумаешь, двое... Только это не камень, это краб, — Шурка раскрыл кулак.

Мика с Никой опасно подошли.

— Ох, и верно краб! Словно спит и лапки поджал, — тронул Мика находку пальцем.

А у Ники заблестели глаза. Он оттащил братца в сторону и зашептал так, что за тысячу шагов было слышно:

— Идея! У меня идея! Давай не будем искать семечки, давай будем собирать каменных крабов. Наберём сто штук, продадим по копейке, все равно разбогатеем. А мальчишку берём в компанию. Видишь, как здорово он умеет искать камни.

Шурка даже притворяться не стал, что не слышит. Шурка сразу крикнул:

— Эх, вы! Братцы-мудрецы! Больно вы ушлые! Сначала верните стекло хозяйке, а потом в компанию приглашайте. Да и то я ещё подумаю. Вот вам и морячок, на затылке пяточок. У самих в голове одни пяточки да копеечки!

Шурка взбежал на отлогий берег, помчался к дому. Вдогонку неслось:

— Подожди! Подожди! Мы тебе ещё что-то скажем!

Но Шурка думал уже о другом. Он держал в кулаке галечного краба и радовался:

— Прибегу домой, скажу: пляшите! Что потерялось, то и нашлось.

Мама и в самом деле, как только увидела находку, бросила палочки, которыми старалась подпереть помятые волны в саду. Она помчалась к папе.

— Смотри! Вот неожиданность! У нас опять появился краб.

Папа перестал подвязывать цветочным чайкам сло-манные крылья, положил камешек на ладонь.

— Хорош! Очень хорош! Но ему кое-чего недостаёт...

Он побежал в комнату, достал кисточку, обмакнул в тушь и подрисовал крабу глаза. Галечный краб сразу проснулся.

А папа откинулся в кресле и даже немножко похва-стался:

— Ну, разве я не говорил, что всё будет хорошо? Гово-рил! Теперь я не удивлюсь, если почтальон Ладушкин при-несёт тоже что-нибудь радостное. Например, пропавшие се-мечки.

— А мне кажется, что почтальон не придёт совсем, — сказала мама. — Кончился день, а его всё нет и нет.

— Да, время уже позднее. Надо пойти проверить, — сказал папа, но тут же поднял палец и прислушался. — Пойдите-ка...

Дверь хлопнула, в домик пулей влетел долгожданный Ладушкин.

— Ну, вот... — обрадовалась мама, но Ладушкин ей и договорить не дал.

— Потом, потом! — закричал он и начал хватать стулья и ставить их в ряд напротив двери.

— Садитесь и смотрите на дверь!

— Ты что, Ладушкин? Что с тобой?

— Говорю вам, садитесь!

Делать нечего, все сели, как перед экраном в кино.

Сначала, когда все уселись, кроме закрытой двери, ничего не было видно и, кроме скрипа стульев, ничего не было слышно.

Потом стукнула калитка и на садовой дорожке так захрустел гравий, словно по нему шагал слон в железных башмаках.

Потом затрещали ступеньки крыльца.

Потом загудели половицы в коридоре.

У мамы от любопытства и страха полезли очки на лоб; папа выставил бороду, как штык; Шуркин вихор поднялся дыбом; а Ладушкин даже привстал на цыпочки.

И вот дверь отворилась, и в неё не вошёл, а вдвинулся боком удивительный человечище — широкий, словно комод, рыжий, как пожар.

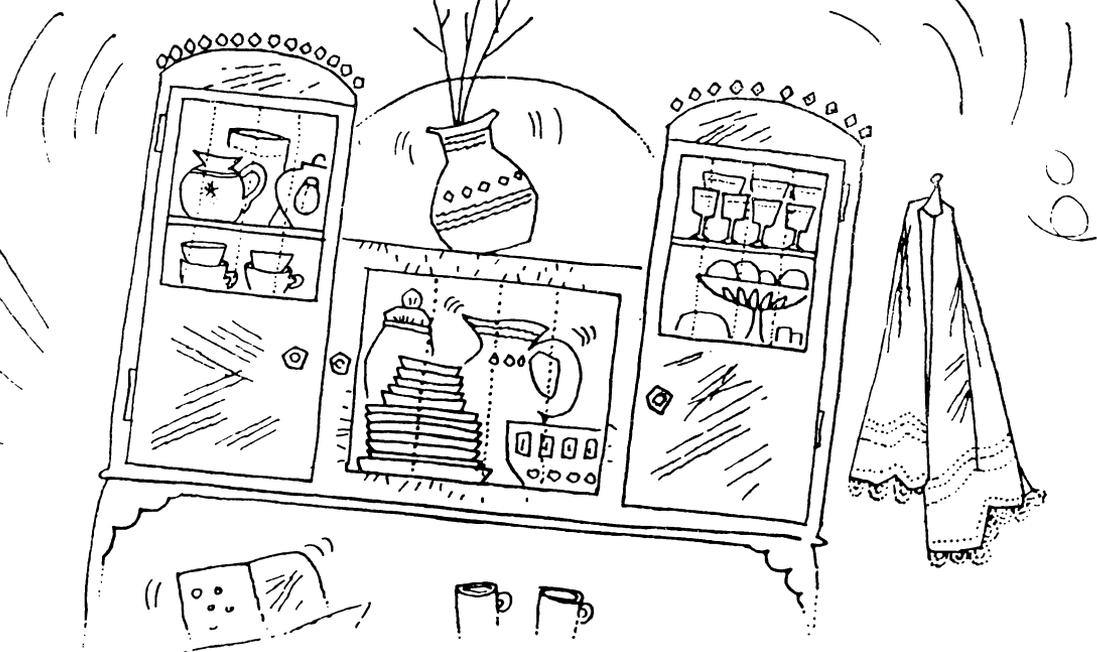
Усы у человека — рыжие; на щеках веснушки — рыжие; волосы на макушке, наверное, тоже рыжие, но их разглядеть нельзя, потому что...

Потому что там сияла золотом морская фуражка! А на фуражке якорь! А из-под усов человека торчала трубка длиннее папиной на два пальца! И трубка дымила!

— Волк! — ахнул Шурка. — Морской волк!

— Капитан! — подскочила мама. — Настоящий капитан!

А папа вытаращил глаза и уставился на пришельца. Тот уставился на папу.

И вот они смотрели, смотрели, и вот они молчали, молчали, вдруг папа как закричит:

— Яша! Яша Медный! Морская душа! Да откуда ты? — и бросился гостя обнимать.

Гость сгрёб щуплого папу в охапку, приподнял и давай с ним кружиться по комнате.

Тут весь домик заходил ходуном. Книжные шкафы закричали, посудные полки зазвенели, часы затикали громче, лампа загорелась ярче, а почтальон заприговаривал:

— Вот и школьные друзья встретились! Ну, до чего здорово — совсем как в журнале...

Яша опустил папу на стул и осторожно потрогал оттопыренный карман своего кителя, будто проверил, не сломалось ли там что-то. Затем обернулся к маме с Шуркой и взял под козырёк.

«Сейчас грянет океанский бас!» — подумал Шурка и на всякий случай зажмурился.

Но, странное дело, в комнате не бас раздался, а как будто зашипел сырой картофель на горячей сковороде:

— Пш-пш... Пш-шалста, извините: я не могу громко

разговаривать. Но рекомендуюсь: меня зовут Яша-Капитан. Не Яша Медный, а Яша-Капитан. Это в детстве меня дразнили Медным, а теперь я, как видите вырос.

— Хорошо, хорошо, — улыбнулась мама, — но что у вас с голосом?

Яша досадливо махнул рукой, зашептал:

— Пш-пш... Ш-шторм! Сорвал во время шторма. Был у нас недавно такой шторм, да с таким громом, что я стою, командую, как всегда, с мостика, а матросы меня не слышат. Тогда я стал командовать громче, а они меня из-за бури всё равно не слышат. Я ещё громче, а они опять не слышат... Ну, я и гаркнул как следует! И — сорвал...

— А как дальше? — раскрыл рот Шурка.

— Что «дальше?»

— Как дальше командовали без голоса? Ведь плыть-то надо, а гром-то гремит.

— Почему гремит? Гром притих, как миленький. После того, как я гаркнул, и матросы меня услышали, и гром притих, и буря присмирела. Дальше я командовал шёпотом. А сейчас вот лечиться ездил, на курорт. Скоро ещё громче гаркнуть смогу, — подмигнул Капитан Шурке.

А папа опять засуетился:

— Да скажи хоть, откуда ты взялся? С неба свалился, что ли? И почему так неожиданно-негаданно?

— Что значит негаданно? Я по сигналу.

— По какому сигналу?

— По сигналу бедствия: эс-о-эс! Спасите наши души!

— Что-о? — вскричали все хором. — Мы сигнал бедствия не подавали!

— Это я подал, я, — смущённо сказал почтальон Ладушкин и поднял над головой сумку. На черной сумке было написано мелом: SOS!

— Я соображал, соображал, — начал объяснять Ладушкин, — соображал, соображал и вот сообразил: надо написать эти буквы и показать их пассажирам всех проходящих поездов. Ведь в каждом поезде может оказаться моряк, а какой моряк не откликнется на сигнал бедствия?

— Ты дежурил у всех поездов? — ужаснулась мама.
— У всех. У дневных, утренних, вечерних и даже ночных.

— А как же письма? Когда ты их разносил?

— В промежутках.

— Ну, Ладушкин! Ну, Ладушкин! Да ведь за такое дело и нам, и тебе могут всыпать. Ведь мы моряки только наполовину, и пользоваться морскими сигналами у нас нет прав.

— Почему нет прав? — спросил Яша-Капитан. — Ладушкин... пш... пш... молодец! Я очень доволен, что сошёл с поезда. Я увидел родной городок и посмотрел на ваше море. Оно чудесное. Я шёл мимо и всё любовался. Правда, по морю прокатился изрядный шторм, но ведь и в настоящих морях грохочут бури.

Яша-Капитан лукаво посмотрел на маму, она покраснела, а папа вздохнул:

— Ты, Яша, добрый. Ты нас утешаешь.

— Кто, я утешаю? — чуть не крикнул Яша, но вспомнил, что кричать ему нельзя, и поправил на шее тёплый шарф. — Фу! Чуть опять не сорвал голос... Это я-то утешаю? — повторил он тихо, но сердито. — Ну, если так, то завтра же утром собирайте чемоданы. Я приглашаю вас в Синеморск. Сами смотрите на Синее море, сами сравнивайте его с Цветочным, а моё дело сторона. Вот так!

Папа с мамой вздрогнули, уставились друг на друга, Ладушкин закивал: «Соглашайтесь!», а Шурка перестал дышать. И не дышал, пока не услышал мамин ответ:

— Да, мы поедем! Мы придумаем, как сделать, чтобы цветы без нас не повяли, и — поедем!

— Но... — сказал папа.

— Никаких «но!» Иди в свою комнату, садись в кресло и думай, думай, думай! Да не забывай, что сел думать уже в седьмой раз!

Папа отправился думать, а Шурка сделал вдох-выдох и выскочил на крыльцо. Он не мог ни сидеть, ни стоять, он мог только прыгать и скакать на одной ножке.

главный конструктор
и необыкновенная
танцовщица

Шурка прыгал, как дикарь, вокруг домика, выкрикивал во всё горло:

Ура!
Ура!
Дождаться бы утра!
Нам счастья привалила
Целая
Гора!
Немедленно,
Сейчас же
Хватайте чемодан!
Мы едем
К дяде Яше,
На море-океан!

Ликовал Шурка до тех пор, пока не вышла мама и не сказала:

— Хватит шуметь, иди помогай думать. У папы что-то ничего не получается. Боюсь, как бы он снова не задымил трубкой.

У папы и правда ничего не получалось. Он и в кресле сидел удобно, он и лысину тёр крепко, и трубка у него по-свистывала, а в голову всё равно ничего не приходило.

В голове крутилась одна-единственная мысль: «Вот если бы мне, как Яше-Капитану, трубку зажечь да пустить

дым до потолка, так я сразу что-нибудь и придумал бы... А так, без дыма, я не могу. Я ведь и цветочные-то волны изобрёл, когда трубка дымила».

Но, конечно, вслух он этого не говорил, он только поделился с Шуркой:

— Ничего, брат Шурка, у меня не выходит! Видно, ехать нам не придётся.

— Что ты! — перепугался Шурка. — Попроси поуживать за цветами Ладушкина, вот и всё!

— Я бы попросил, да как-то неудобно. Если бы у нас был водопровод, тогда другое дело. Тогда поливать цветы было бы просто. А тут надо воду вёдрами таскать.

При слове «водопровод» у Шурки в голове словно яркая лампочка вспыхнула.

— Придумал! Придумал! Не надо вёдрами таскать, надо за верёвочки дёргать! — закричал Шурка и выскочил в комнату, где сидели Капитан с Ладушкиным.

— Дядя Ладушкин! — подлетел Шурка к почтальону. — Дядя Ладушкин! Вы подёргаете за верёвочки?

— За какие верёвочки?

— За водопроводные! Мы поставим на крыше вёдра с водой и протянем от них верёвочки. Утром вы дёрнете за одну верёвочку, ведро опрокинется — и вода побежит по водосточной трубе. А потом она побежит по канавкам, а потом по бороздам — и цветы в одну минуту будут политы! А на другой день вы дёрнете за вторую верёвочку, вода опять побежит... В это время и журналы можно перелистывать!

Ладушкин даже руки потёр.

— С большим удовольствием подёргаю. Всякую технику я страсть как люблю. Каждое утро буду прибегать и дёргать.

А папа вышел из своей комнаты и смущённо сказал:

— Ну, Шурка, теперь ты самый Главный Конструктор! Поливалка придумана здорово.

— Настолько здорово, что, будь Шурка побольше ростом, я взял бы его на свой парусник, — просипел Яша-Капитан.

Обитатели красного домика сразу насторожились.

— Что ты говоришь? Неужели ты командуешь парусником?

— Командую, да ещё и каким! Мой парусник — трёхмачтовый клипер, а экипаж на нём — всё смекалистые мальчишки, вот вроде Шурки. Ну, правда, годика на три постарше.

Шурку сразу бросило в жар.

— А как называется корабль? — спросил он.

— «Медуза»! — гордо поднял голову Яша-Капитан.

— Ой, как интересно! — воскликнули папа с мамой и дрожащими, просящими голосками добавили: — А взрослых туда пускают?

— Вообще-то взрослые плавают на пароходах. Но раз вы наполовину моряки, на «Медузе» я вас прокачу обязательно.

— Ура!!! Да здравствует «Медуза»! — Шурка прошёлся колесом по комнате.

— Ура!!! Да здравствуют белые паруса! Вот оно, то золотое времечко, когда из Моряков-Наполовину мы сделаемся Настоящими Бывалыми Моряками! — кинулись обниматься папа с мамой.

Но Яша-Капитан попятился:

— Осторожнее, осторожнее. — И опять заглянул в карман.

— Да что вы всё в карман смотрите? — не вытерпела мама. — Сидит там кто, что ли?

— Вот именно, сидит.

— Неужели мышь? — вспомнила мама недавние ужасы и приготовилась бежать.

— Нет, нет, не бегите, — сказал Капитан и вытащил...

Ну, кого, думаете, он вытащил?

Че... ре... Точно! Че-ре-паху! Маленькую коричневую черепаху, которая шевелила короткими лапами, покачивала головой, будто кланялась.

Тогда мама сказала:

— Ну, черепахи-то мне нравятся, — и протянула ей кусочек булки. Черепаха отщипнула от кусочка едва заметную крошку и ещё быстрее закланялась.

— Вот какой у меня вежливый друг, — похвастался Капитан.

— Друг? — удивился Шурка. — Да разве с черепахами можно дружить?

— Можно! Когда я совсем не разговаривал и маялся на курорте, она мне очень помогла. Сижу я, бывало, в палате, помалкиваю — и она помалкивает. Вздохну я с горя, головой покачаю — и она покачает. И тут мне кажется, что мы приятно беседуем, и мне становится легче.

— Так ведь она и сейчас молчит.

— Ну и что? Зато всё понимает. Скажи, ты всё понимаешь? — спросил Яша-Капитан черепаху.

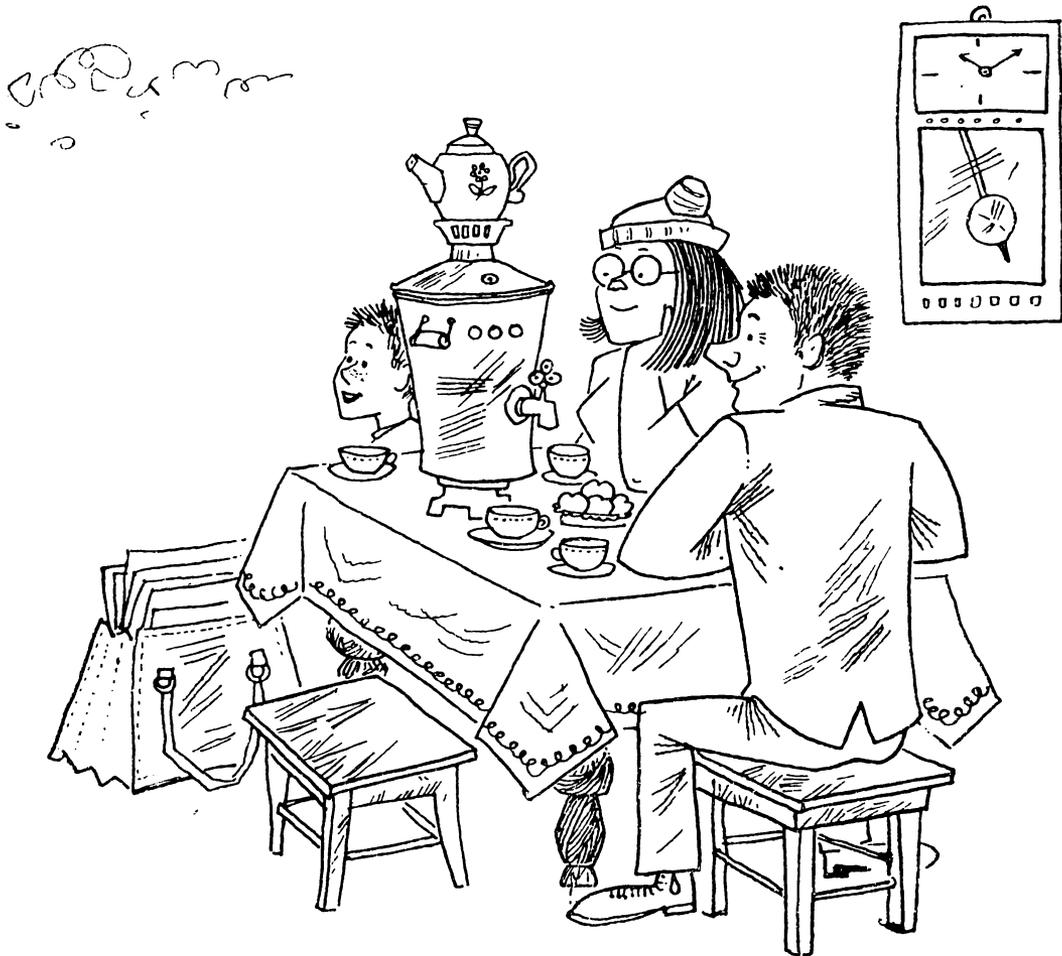
Та закрыла и опять открыла глазаки.

— Вот видите, она понимает!

— Хе! — не поверил Шурка, но тут мама позвала всех пить чай.

Стол пришлось выдвинуть на середину комнаты, потому что Яше-Капитану было тесно. Кроме того, Яша попросил вместо стула табуретку.

— А то как бы стул не треснул, — сказал он и посадил черепаху к себе на колени.

Чай Капитан пил из стакана. От удовольствия жмурился, шевелил усами, побрякивал и, глядя на него, Шурка думал: «Наверное, у него в стакане чай куда вкуснее, чем у меня».

А почтальон Ладушкин посматривал на черепаху, прихлёбывая чай с блюдечка:

— Вот в одной загранице, — говорил он, утираясь махровым полотенцем, — вот в одной загранице живут очень толковые ослики. Они умеют рисовать хвостом. А в другой загранице появились очень способные мартышки. Они ловко пляшут под скрипочку.

Капитан, как только услышал про мартышек, снял со стены балалайку, сказал папе:

— А ну, сыграй! — и спустил черепаху на пол.

Папа заиграл, черепаха поползла по крашеному полу кругами, замахала то одной лапкой, то другой, закачала чуточным хвостиком. Яша-Капитан тихонько приговаривал:

— Гоп-ля-ля! Гоп-ля-ля! Вот вам и черепаший танец! Все очень смеялись.

Всем было весело.

А черепаха вдруг поползла под книжный шкаф. Там она чем-то пошуршала, вылезла с пыльной конфетой во рту и положила её рядом с Шуркой.

— Ого! — сказал Шурка. — Вот с кем надо разыскивать на лужайке пропавшие семечки.

— Если бы знать, где находится та лужайка... — вздохнул папа.

Но папин вздох никто не слышал, потому что Ладушкин засобирался домой.

— Пора на боковую, — сказал он, закрывая за собой дверь. — Приятного вам сна и хорошего настроения!

И тут все легли спать, и у всех даже во сне было хорошее настроение.

Наутро, едва рассвело, принялись налаживать поливальную технику.

По краю крыши, как придумал Главный Конструктор, наставили банок, жестянок, бидонов и пустых вёдер. Наставили столько, сколько нашлось их в домике. Затем натаскали из колодца воды и все банки, жестянки, бидоны наполнили.

Подавал тяжёлые вёдра наверх Яша-Капитан. Ему такая работа была в самый раз. Он не то что вёдра, а столитровую бочку с водой мог бы поднять одним пальцем.

А когда привязали верёвочки, мама сказала:

— Испытывать технику буду я!

— Нет я! — сказал Шурка. — Проводить испытания полагается Главному Конструктору.

— А почему не я? — возмутился папа.

Но тут вмешался Яша-Капитан, он сказал сиплым голосом: — Спокойней, спокойней! — И стал нашёптывать морскую считалочку:

Аты-баты!
 Вот так раз!
 В море плавает матрас!
 На матрасе
 Кашалоты
 Отдыхают в тихий час.

Аты-баты!
На пружинах!
Аты-баты!
Под зонтом!
Аты-баты!
Все на спинах,
Кверху тёплым животом.
А на зонтике записка:
«Великанов не будить!
Кто хихикнет или пискнет,
Тот отправится водить!»!

Хихикнуть постаралась мама, и начинать испытания досталось ей. Она села на скамейку под окном, выбрала верёвочку, привязанную к самому большому ведру, приготовилась.

Шурка скомандовал:

— Внимание! Три... Два.. Один... Старт!

Мама дёрнула за верёвочку, ведро опрокинулось, вода побежала в трубу, в сад, всё пошло как надо, а ведро покатило дальше, дальше — трах-тах-тах! — и грохнулось маме на голову. Вверх дном!

— О-у! — раздался из-под ведра мамин голос, и оттуда же выпали очки.

Папа ойкнул, подбежал к маме, начал осторожно снимать ведро.

А когда папа снял ведро с маминой головы и спросил: «Ну, как?» — мама ответила:

— Вот так! Ехать можно! — И подняла большой палец. — Только придётся над скамейкой поставить зонтик, как над кашалотами в считалке. Иначе Ладушкину придётся туго. Ведь это хорошо, что я была в колпаке.

Тут она подумала и строго добавила:

— Вы с Шуркой тоже наденете в дорогу колпаки. А то мало ли что может случиться! И не спорьте, пожалуйста.

— Не спорим, не спорим, — сказал папа. — Когда тут спорить? Надо собираться.

Поставили над скамейкой зонтик и побежали собираться.

Первым делом папа ухватил глобус.

— Куда тебе глобус? — удивился Яша-Капитан. — У меня на «Медузе» полно морских карт. Когда пойдём в плавание, будем прокладывать маршрут по карте.

— Нет! — сказал папа. — По морской карте я не привык. Морских карт у нас в школе не имеется, но зато глобус я изучил до точки. С глобусом в руках я обойду вокруг земного шара и нигде не заблужусь. Пых! Пых! — попытел он пустой трубкой, чтобы показать, как смело шагал бы по земному шару.

И вот наступил тот великий, долгожданный, волшебный час, когда обитатели красного домика отправились на вокзал к синеморскому поезду.

Шурка, намытый, начищенный так, что на него и пылинки боялись падать, выступал впереди всех. Помпон на его новеньком колпачке подпрыгивал, новенькие кеды пружинили, а в руках сиял папин жёлто-зелёно-голубой глобус.

Чуть позади вышагивал Яша-Капитан с черепахой в кармане. Доски тротуара под Капитаном скрипели, трещали, прогибались.

Замыкали шествие папа с мамой. Мама держала, как хрустальный кубок-приз, бутылку с кефиром.

Папа нёс на плече сверкающий заклёпками чемодан и то забегал вперёд, то останавливался. Большой колпак сползал ему на глаза.

Из дверей мастерских высовывались чумазые сапожники, на всю улицу насмешничали:

— Эй! Куда это вы? В Синеморск, что ли? Смотрите, не потоните!

— Да не спутайте живых чаек с цветочными! Живые-то клюются! — вторили румяные молочницы.

Но не все жители городка посмеивались. Те соседи, которые любили заглядывать в калитку домика, жалели отъезжающих. Они говорили:

— Если поедете да узнаете, что Цветочное море — хуже настоящего, шибко-то не расстраивайтесь. побыстрее возвращайтесь домой, и мы вас научим ставить подмётки на башмаки. Это тоже интересно.

А на заборах сидели мальчишки, сидели девчонки. Они не насмешничали, не говорили жалостных слов, они орала на весь Даль-городок:

— Шурка в Синеморск поехал! Шурка в Синеморск поехал! Смотрите, он шагает рядом с Капитаном! — И прыгивали прямо в пыль, и пристраивались к Шурке и к Яше-Капитану.

Мальчишечья и девчоночья толпа грохотала босыми пятками по деревянному тротуару, шлёпала по пыльной мостовой, скакала по зелёным обочинам канав. Чем дальше, тем больше и больше становилось провожатых.

На углу Сапожной улицы толпу догнал почтальон Ладушкин. Он чуть не опоздал, потому что разносил письма. Он подбежал и с налёта хотел забрать у папы чемодан.

— Лучше поправь колпак у меня на голове, — сказал папа, — а то я ничего не вижу.

Ладушкин поправил папе колпак, догнал Яшу-Капитана и зашагал рядом — одна нога на тротуаре, другая на обочине. Вид у Ладушкина — словно он сам поехал в Синеморск.

— Синеморск! Синеморск! Синеморск! — звенело на всех улицах, во всех закоулках и дворах.

И ничто не могло убавить радости, даже внезапное появление Розовой Дамы с Микой и Никой. Они, как было видно по всему, тоже собрались в дорогу. Но их никто не провожал, кроме хозяйки-молочницы.

Молочница улыбалась, она была рада-радёшенька.

Мика с Никой, пунцовые от натуги, волокли увесистые рюкзаки. Когда братья прислонялись к заборам отдохнуть, в рюкзаках что-то постукивало.

— Неужели столько галечных крабов насобирали? — удивился Шурка и поглядел на братьев: вернули хоть стекло-то хозяйке?

Мика с Никой поспешно закивали: вернули, вернули, давно, мол, вернули.

А Дама вышагивала в новых сапожках на тонком каблуке и смотрела не столько на дорогу, сколько на свою обнову. Сапожки ей очень нравились. Но когда две процессии, большая и маленькая, оказались рядом, Дама напустилась на маму:

— Сыночек-то ваш... Полюбуйтесь, что сделал с моими ребятками!

Мама испуганно посмотрела на Нику, который всё ещё нет-нет да и трогал шишку на лбу, но Дама показала на рюкзаки:

— Были у меня дети как дети, а теперь по вашей милости булыжники таскают, вот-вот надорвутся! Эх, вы! А ещё интеллигентная публика!

Тут Дама опять глянула на свои сапожки, запнулась и отстала.

Почтальон Ладушкин сказал:

— Ничего, ничего! Собирать камешки куда полезнее, чем есть конфеты! — и подмигнул молочнице. Та заулыбалась ещё радостнее.

Мама догнала Шурку и сказала:

— А всё-таки Ника с Микой — ребяташки ничего. Про ложку-то мамаше они не наябедничали.

Не успел поезд тронуться, папа с мамой немножко поссорились.

Папа вошёл в купе и любезно сказал:

— Ты у нас — женщина, Шурка — ребёнок, поэтому устраивайтесь на нижних полках и спокойненько поезжайте. А мы с Яшей, так и быть, залезем на верхние.

— Привет! — сказала мама. — Я хоть и женщина, и в очках, но зато в китобойском колпаке! Нечего тебе хитрить — на нижней полке сиди сам. А верхние наши с Шуркой.

— Правильно, — согласился Яша-Капитан. — Я и сам не полезу на верхнюю полку. Представляете, что будет, если она подо мной обломится?

Папа пробубнил:

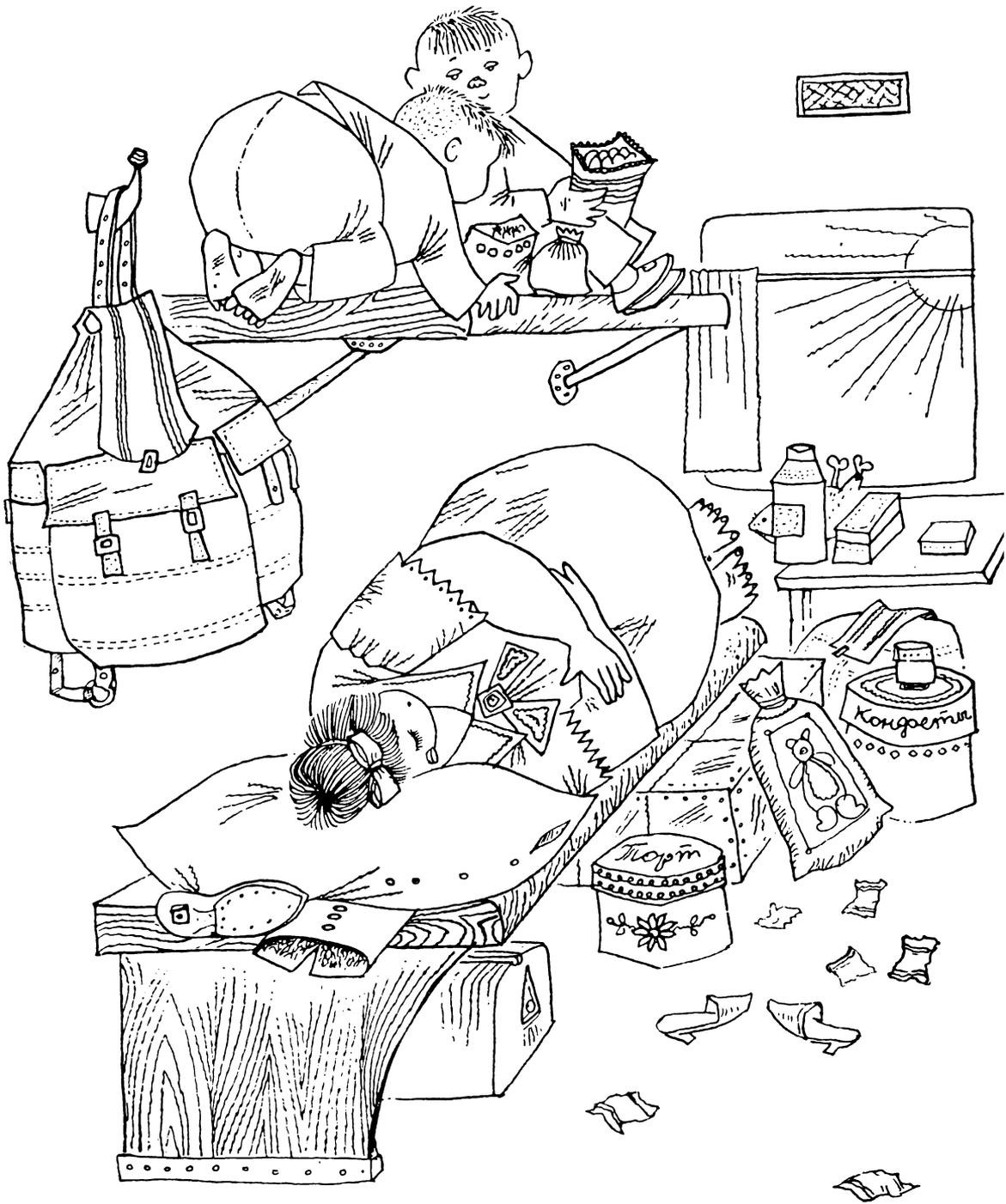
— Ну и пожалуйста!

Отвернулся к окну.

Но долго сердиться да глядеть в окно он не мог, не такое сейчас было время. Надо было готовиться к встрече с морем и к плаванию на «Медузе». Когда Капитан набил свою трубку табаком и вышел в коридор подымить, папа сказал:

— Давай, Шурка, тренироваться. Сделаем Яше сюрприз, а то он, наверное, думает, что мы на корабле только мешать станем.

И тут папа стал припоминать все морские команды, какие знал. А Шурка принялся их исполнять.

— Свистать всех наверх! — командовал папа молодецким голосом, и Шурка карабкался на верхнюю полку.

— Полундра! В трюме течь! — делал папа страшные глаза, и Шурка скатывался вниз, заглядывал под нижнюю полку. Под полкой звякала бутылка с кефиром, Шурка проверял, хорошо ли она заткнута.

Мама тоже пробовала карабкаться то вверх, то вниз, но так быстро, как у Шурки, у неё не получалось.

— Да тебе и не обязательно. На корабле ты можешь работать коком, — сказали папа с Шуркой, а сами до того разошлись, что решили заодно поучиться и морской походке. Той самой, которой ходят моряки по палубам.

— Я знаю, — сказал Шурка, — моряки ходят вразвалочку.

— Ничего подобного! — заспорил папа. — Не вразвалочку, а враскачку.

Он посмотрел на дверь: не подглядывает ли Капитан? — и стал показывать, как ходят заправские моряки.

В купе было тесно, пол подрагивал на ходу, но папа три шага всё-таки сделал.

— Вот как ходят мореплаватели! Учись.

Дверь отодвинулась, в неё протиснулся Яша-Капитан и засмеялся:

— Вот так парад! Я вижу, на моём корабле будет отличное пополнение.

Папа застеснялся, а Капитан сказал:

— Ничего, не смущайся. По крайней мере у нас тут весело, не то что в соседнем купе. Я заглянул туда и даже мне грустно сделалось.

— А кто там? — спросил Шурка.

— Пойди, посмотри. Может, приятелей увидишь, — усмехнулся Капитан. Он ещё со вчерашнего вечера знал про все Шуркины приключения.

Шурка потихоньку вышел в коридор, одним глазком заглянул в распахнутую дверь соседнего купе.

Там внизу дремала Розовая Дама. Под головой у неё лежали новые сапожки. А наверху шелестели пакетами,

что-то дожёвывали Ника с Микой. Они шёпотом спорили о том, куда станут девать денежки, когда продадут галечных крабов. Мика шептал:

— Этакую кучу деньжищ на шоколаде не проесть, надо купить собаку. Охотничью. Ну, знаешь, такую, у которой хвост крючком. И научить её по нюху собирать камни. Собака станет собирать, а мы продавать. Мы продавать, а она бегать и собирать.

— Нет, — не соглашался Ника. — Маманя выставит из дому и нас и собаку! Будем сами, как собаки, жить на лестнице.

— Нет, не выставит!

— Нет, выставит!

Братья дали друг другу по затрещине, успокоились, начали жалеть, что рано уехали из Даль-городка.

— Цветочное чудо так и недоделали. А ведь сколько труда положили, а?

— Доделаешь с нашей маманей! Не успела новые сапоги натянуть, как ей загорелось ехать обратно.

— Похвастаться захотелось.

— Конечно, похвастаться.

Шурка тихонько задвинул дверь, махнул рукой, пошёл в свое купе.

А там шёл пир горой.

Бутыль с кефиром не успевала опрокидываться над стаканами; у папы на зубах похрустывали свежие огурчики; мама макала в соль красные помидоры, а Яша-Капитан тюкал об столик варёное яйцо.

Шурка навалился на всё подряд.

Он не подозревал, что в дороге развивается такой аппетит. Теперь в чём, в чём, а в этом-то он Мику с Никой понял прекрасно.

Капитан резал яйцо перочинным ножиком, подкладывал черепахе тонкие ломтики и говорил:

— Это что! Это всё вкусно, да не так... Вот приедем в Синеморск, я накормлю вас булябездом.

— Чем, чем? — спросила мама и перестала жевать.

— Бу-ля-бе-зом! Это такой морской суп.

— Какое красивое слово! Почти как «вилливауз».

— Ну, что вы, — сказал Капитан. — Вилливауз — это совсем не то.

— Пусть не то, но всё равно это слово морское, красивое.

— Не спорю, но оно не такое вкусное, как булябез. Чтобы приготовить булябез, надо иметь семь сортов рыбы, шесть крупных луковиц, пять долек чеснока, четыре спелых помидорины, три кисточки укропа, два лавровых листика и один апельсин.

— Ух, — сказала мама. — Дайте карандаш, я запишу.

— Запиши, — сказал папа. — Когда вернёмся, угостим булябезом Ладушкина.

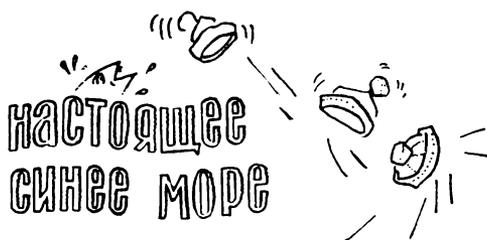
А Шурка только что-то проорчал, словно булябеза уже наелся, хотя во рту у него была всего-навсего помидорина.

В общем, ехали быстро, разговаривали весело — и завтракали.

Потом поговорили, поговорили — да и пообедали.

А когда поужинали, Яша-Капитан сказал:

— Ну, вот и Синеморск близко!

Шурка, услышав про Синеморск, сразу прилип к окну, но кроме зелёной горы, которая всё собой заслонила, ничего не увидел. Тем не менее папа и мама засуетились, похватили вещи и выскочили в тамбур. Так в тамбуре и стояли, пока поезд не остановился. А когда остановился, выскочили на перрон и — замерли!

Совсем недалеко, рукой подать, за пёстрыми городскими крышами, за густыми садами и парками расстилалось настоящее Синее море.

Но было оно — золотым!

В него медленно опускалось оранжевое солнце.

По нему далеко и плавно скользили белые паруса и многотрубные пароходы.

Папа постоял, папа посмотрел, папа ухватил чемодан, крикнул: «За мной, ребята!» — и припустил напрямик к морю.

Двое «ребят» — мама и Шурка с глобусом — понеслись вдогонку.

— Подождите! Подождите! — сипел Яша-Капитан, но «ребят» и громовой голос не остановил бы.

Папа перелетал через канавы, папа прошмыгивал в дырки оград, папа нырял в калитки, пересекал незнакомые дворы и сады, Шурка с мамой едва поспевали за ним. Они бежали через удивительный город, но ни на что не смотрели, ничего не замечали, они летели вперёд, вперёд, вперёд.

Только на трамвае Яша-Капитан смог их настичь, да и то у самого Синего моря.

Там папа трахнул чемоданище на песок, бросил глобус и, не снимая ни колпака, ни пиджака, зашлёпал прямо по воде.

— Да ты что, — ухватил папу за рукав Капитан, — пешком через море собрался, что ли? Смотри, на самом деле потонешь!

— Ого-го! — размахивал папа колпаком. — Ого-го! И пойду! И не потону! И ничего со мной не будет!

Мама швырнула босоножки, Шурка сдёрнул кеды: — Ого-го! Ничегошеньки с нами не будет! — и тоже зашлёпали босиком по тёплой морской воде.

Они бежали всё дальше, всё глубже.

Сначала вода была им по щиколотки, потом до колен, затем выше колен, потом по пояс.

Тут Яша-Капитан не выдержал и, прыгая на одной ножке, стал разуваться.

— Сумасброды! Перетонут и даже «спасите» не крикнут.

А навстречу катилась волна.

Сначала, издалека, она была похожа на те волны из васильков, что колыхались у красного домика. Через минуту она стала гораздо больше. А через другую минуту поднялась выше папы, ударила его, и огорошенный папа, едва успев ухватить трубку в кулак, полетел кувырком.

Взлетели вверх тормашками и мама с Шуркой.

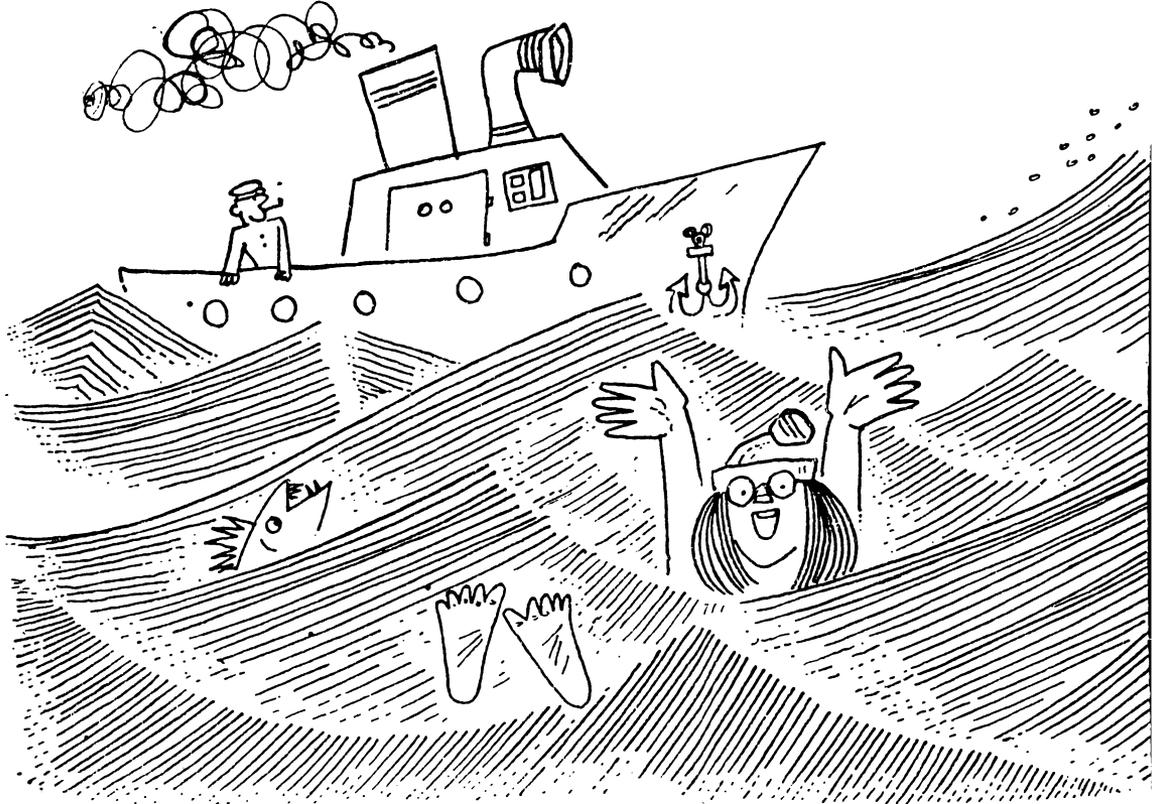
Волна подняла их, понесла к берегу и шлёпнула на песок.

— С приездом! — сказал Яша-Капитан.

— Спасибо! — радостно сказала мама. — Вот как мы с морем поздоровались! — И вдруг захохотала, подпрыгнула, и у неё из мокрого рукава вылетел пёстрый окунёк. Вылетел, заскакал пружинкой и юркнул назад в море.

Шурка быстро-быстро обшлёпал себя по мокрым штанам, по рубашке и даже заглянул в обвисший колпак:

— Может, и на меня какая рыбина клюнула?

А папа крикнул:

— Эх, братцы! Ничего вы не понимаете! Это не мы с морем поздоровались, а море с нами. Где глобус?

Он схватил глобус, крутнул, остановил и поставил красным карандашом на зелёном боку небольшую точку:

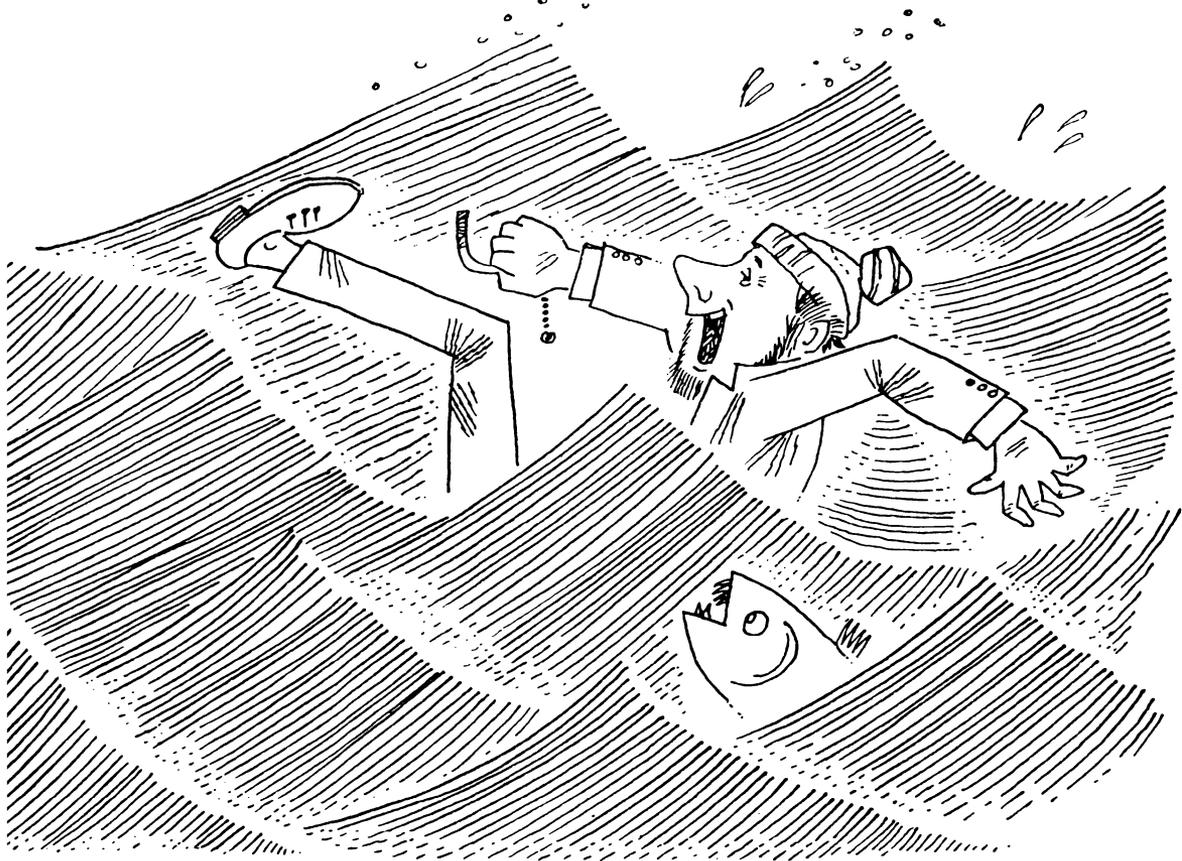
— Вот примерно здесь находится Цветочное море!

Потом провёл по глобусу коротенькую линию:

— А вот так мы ехали к Синему морю!

Потом поставил ещё одну точку, большую, жирную, и сказал:

— А вот примерно тут Синее море с нами поздоровалось и примерно отсюда мы пойдём в плавание.

Вдруг, задрав бородку, он уставился на Капитана :

— Яша, друг! А где «Медуза»? Я что-то её не вижу.

С папиной бородки капало, с пиджака текло, мокрая трубка булькала, а Яша давным-давно сердился.

— Не видишь-шь! Ты вообще ничего не видишь. Ты про-
сился на «Медузу», а приехал — о ней и не вспомнил. Ко-
нечно, она стоит не здесь, не на этом песчаном пляже, а у
морских причалов! Но ты так летел, что и причалов-то не
заметил.

— Мы не заметили, Яша, не заметили! Нас будто вил-
ливауз подхватил, — сказала мама. — Но мы готовы пойти
на «Медузу» хоть сейчас. Прости, мы исправимся.

— Ладно, не сержусь, но сейчас уже поздно. Мальчики на «Медузе» спят.

И тут Яша заглянул в карман, а потом закружился на месте.

— Что такое? — спросили папа, мама и Шурка.

— Черепаха пропала, вот что, — забегал Яша-Капитан туда-сюда.

— Вот тут я скинул один ботинок, он здесь, но черепахи нет! Вот тут я снял другой ботинок, он тоже здесь, но черепахи не видно...

— След! — крикнул Шурка. — Черепаший след! — И на четвереньках пополз на песчаный холмик, за которым блестили трамвайные рельсы, убегающие в город.

Все полезли за Шуркой и наверху, нос к носу, столкнулись с черепахой.

Черепаха, как ни в чём не бывало, возвращалась назад. Она была жива-здоровая, а во рту несла цветочный лепесток невиданной красоты!

Шурка, мама и папа, как стояли на четвереньках, так и остановились. Мама даже «вилливауз» не смогла сказать: у всех от неожиданности отнялись языки. Только Яша спросил:

— Откуда у тебя это?

Черепаха качнула головой, все кинулись по черепашьему следу дальше.

И вот на той стороне холмика увидели целый куст необыкновенных цветов. Да, да! Тех самых цветов, семена которых улетели из Даль-городка: папа, мама и Шурка сразу об этом догадались.

Цветы были золотистыми, светились даже в сумерках, и каждый цветок напоминал взлетевшую в воздух рыбку. Ну, знаете, такую, какие живут в аквариумах: плавники, словно крылья, хвост, как флаг.

— Вот вы где! — закричала мама и прямо руками стала подрывать землю вокруг цветочных корней.

— Да разве так можно? Цветы повянут! — испугался Капитан.

— Не повянут! — ответила мама. — Мы вместе с землёй поставим их вот сюда, — она сдёрнула с головы колпак. — Будем поливать и привезём домой в целости. Не так ли? — спросила она папу.

Но разговаривать с папой было сейчас бесполезно. Папа, как сумасшедший, бегал вокруг куста и бормотал:

— Ой, ущипните меня! Ой, ущипните меня! Я боюсь, что сплю и вижу сон.

А потом он забежал на вершину холмика и огляделся.

Позади мигали яркие огни города Синеморска. Рядом, почти у самых ног, шумело настоящее Синее море. Солнце скрылось, но над морем кружились чайки, к берегу всё катились и катились белые гребешки волн.

И тут папа, смиренный, скромный папа, заорал с холма, как заправский пират:

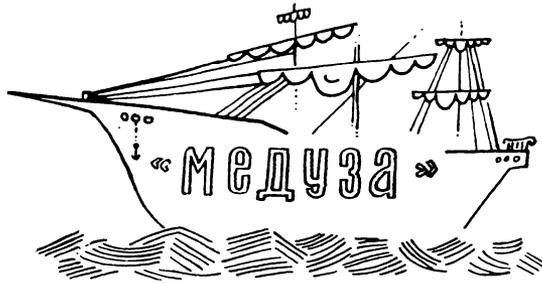
— Клянусь бородой, клянусь недымящей трубкой, клянусь школьным глобусом, Синее море похоже на Цветочное! И пусть меня трижды трахнет волной, если я ошибаюсь!

Шурка выбежал на холм и тоже закричал неизвестно кому:

— А завтра пойдем в плавание на «Медузе» и сделаемся самыми настоящими моряками!

— Сделаетесь, сделаетесь. А пока забирайте глобус, цветы, чемодан и поедem ко мне домой ночевать. Боюсь, как бы от купанья да от радости у вас не началась лихорадка, — сказал Яша-Капитан.

На этот раз Капитана послушались, и все пошли к трамваю.

Наступило утро.

Над городом летели перистые облака, дул свежий ветерок.

Будущие моряки пересадили цветы из колпака в кастрюлю, оставили их под присмотром черепахи, а сами пошлагали с Капитаном к набережной.

Они по-прежнему рвались вперёд, вперёд, вперёд. Они бы опять помчались вприпрыжку, но Яша-Капитан, очень уважаемый в городе человек, бежать не разрешил. И правильно сделал. Сегодня папа, мама и Шурка наконец-то разглядели, в какой удивительный город им посчастливилось приехать. Здесь всё было по-морскому.

Окна в домах круглые, как на пароходах. Над крышами — антенны в виде корабельных мачт. Балконы — словно капитанские мостики, а на уличных перекрёстках вместо светофоров стояли небольшие маяки.

По тротуарам туда и сюда спешили синеморцы, и сразу было видно, что они — приморские жители. На горожанках — высокие рыбацкие сапоги с раструбом; на горожанках — полосатые свитеры, похожие на тельняшки; все девочки — в матросках, все мальчики — в брюках клёш.

Даже старушки, и те щеголяли в моряцких бескозырках, правда, без надписей на ленточках.

А над дверями булочных спасательными кругами висели огромные калачи.

ПРЕСНАЯ
ВОДА

Тут путешественники увидели киоск с прохладительными напитками.

Папа сказал:

— Я волнуюсь, мне надо выпить холодной воды.

Все подошли к прилавку, и продавец в старой морской фуражке наполнил не стаканы, а крохотные бочоночки. На бочоночках было написано «Пресная вода».

Папа держал под мышкой глобус, опрокидывал в рот один бочоночек за другим, нахваливал:

— Пресная вода успокаивает. Я, пожалуй, выпью ещё на пяточок.

А Шурка больше одного бочоночка выпить не успел. В уличной толпе он увидел Мику с Никой.

На шеях у братцев, словно лотки с эскимо, висели самодельные ящички. Братья опасливо поглядывали на постового милиционера и вполголоса покрикивали:

— А вот галечные крабики!

— А вот крабы!

— По копейке штука!

— Налетай, ну-ка!

Но покупатели что-то не налетали, рожицы у Мики с Никой были скучные. К ним подошёл только мальчишка с рогаткой, да и тот сказал:

— Дохлого воробья за оба ящичка дам, если желаете!

Шурка удивился, подскочил поближе, заглянул в ящички. Камешки на самом деле только и годились, что из рогатки стрелять. На крабов они даже издали не были похожи.

Но разговаривать с братьями-лотошниками было некогда. Папа, мама и Капитан зашагали дальше, Шурка пустился их догонять.

И вот перед путешественниками распахнулась широкая набережная.

Над бесконечными причалами стоял шум, грохот, галдёж. Там грузились и разгружались океанские пароходы. Там орала сотня чаек, надрывались гудки портовых кранов и перекликались боцманские свистки. Над причалами

пахло нефтью, краской, селёдкой, индийскими бананами, африканскими апельсинами.

С пароходов летели запахи самых дальних стран, но папа, мама и Шурка увидели «Медузу» и смотрели только на неё.

Она стояла в дальнем конце причалов. Она пришвартовалась в тихом закоулке, и мелкая зыбь шлёпала в её просмолённые борта. На тонких мачтах паруса были свёрнуты, сходни опущены, ни один человек на палубе не показывался, корабль словно дремал.

А Яша-Капитан вдруг начал покашливать, побрякивать и выговаривать звук «О».

— О-о, — тянул он, как певец перед выходом на сцену. — О-о! О-о-о! Оооо!

Сначала «О» получалось негромкое, сиплое, потом погромче, а под конец совсем отчётливое.

— У Яши снова прорезывается капитанский голос, — шепнула мама. — Сейчас крикнет — и нас выбегут встречать матросы.

Но Капитан кричать не стал, он взглянул на ручные часы:

— Экипаж завтракает!

— Булябезом? — спросил Шурка.

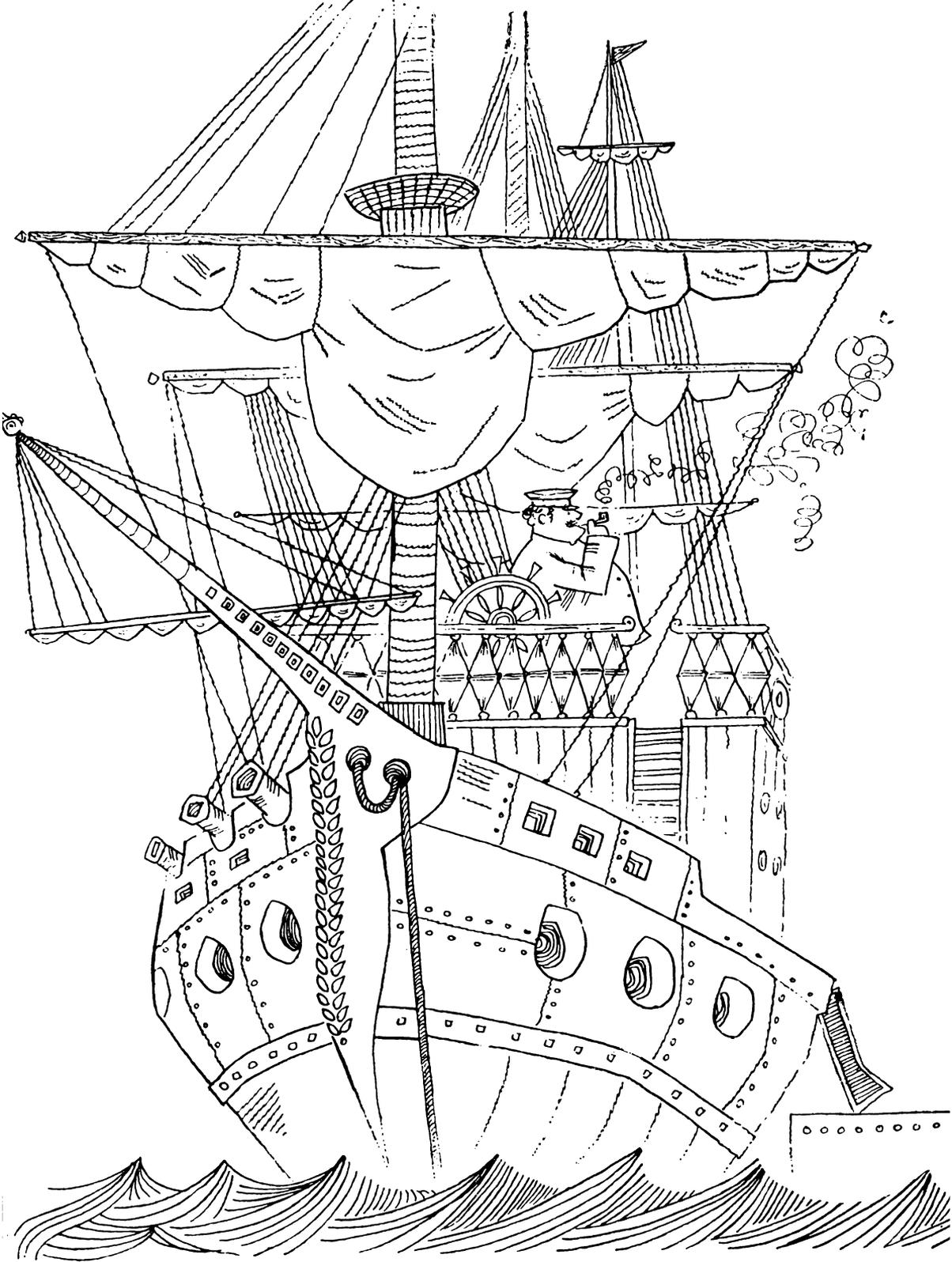
— Нет, обыкновенным киселём да кашей. А вас попрошу вот о чём... Вы тут минутку постойте, а я поднимусь на корабль, приготовлю экипаж к встрече почётных гостей.

— Ну что ты, Яша! — взволновался папа. — Какие мы почётные гости? Лучше как-нибудь так, потихоньку, пройди на корабль...

— Теперь я тебе не Яша, теперь я тебе корабельное начальство! Стой, не возражай, жди моих дальнейших распоряжений! — сказал Яша таким голосом, что не только папа, но и мама не посмела возражать.

Яшин голос был ещё не очень громок, но звучал он уже совсем по-капитански.

— Ждите здесь, да подтянитесь! — повторил Капитан и направился к «Медузе».

По пути он поклонился дряхлым старичкам и маленьким ребятишкам, которые сидели на причальных тумбах и на ступеньках набережной. Старички кутались в чёрные матросские бушлаты, делали вид, что приглядывают за внучатами-карапузиками, но на самом деле смотрели во все глаза на корабль. Смотрели, вспоминали свою матросскую молодость и немножко грустно улыбались Капитану.

Капитан ступил на трап, доски трапа прогнулись и загудели. Шурка глянул на макушки мачт — не дрогнули? Мачты не дрогнули, «Медуза» могла принять и сотню таких тяжеловесов, как Яша.

А тот поднялся на капитанский мостик, вынул серебряный свисток-дудку, пронзительно засвистал.

И тотчас из люков, из дверей, из корабельных надстроек посыпались мальчишки, мальчишки, мальчишки!

Мальчишки в тельняшках, мальчишки в морских брюках!

— Капитан вернулся! Капитан! — загалдели они.

— Смирно! Поднять вымпел! — отчеканил Капитан.

Над грот-мачтой взвился вымпел.

— Салют в честь гостей! — приказал Капитан.

Три медных пушки бабахнули с борта настоящим холостым залпом. Три — потому что гостей было трое.

— Прошу на борт! — махнул Капитан гостям и придирчиво окинул их взглядом: подтянулись ли?

Гости подтянулись.

Папа обнял покрепче глобус, все трое поправили колпаки и взошли на палубу морской походочкой.

Капитан одобрительно кивнул, а мальчишки зашептались:

— У нас на борту китобои! Бывалые, учёные... Смотрите, у них глобус.

«Китобои» отдали честь матросам и чинно поднялись на мостик.

— Отчаливаем? — спросил Капитан.

— Отчаливаем! — сказал папа.

Капитан глянул на перистые облака, предупредил:

— Но ветерок нынче с посвистом, как бы нас не качнуло...

— Чепуха! Выстоим! — заявила мама.

И Шурка повторил:

— Чепуха!

Кто-кто, а он-то готов был отправиться в самую страшную бурю.

Тут Капитан расправил усы, в глазах у него запрыгали весёлые точки. Он наклонился к папе и шепотком, так, чтобы мама не услышала, сказал:

— Может, примешь командование кораблём, а?

Шурка наострил уши, закивал, заморгал папе:

— Давай, мол, давай, соглашайся!

Но папа вдруг затоптался, покраснел и ответил:

— Благодарю, Яша... То есть, благодарю, Капитан! Лучше командуй ты, а я стану отмечать наш путь карандашиком на глобусе.

— Ух, зря мы тренировались, что ли! — возмутился Шурка и только хотел попроситься в капитаны сам, как Яша подал такую оглушительную команду, что у Шурки в ушах звякнуло.

Капитанский голос вернулся к Яше полностью.

— Поднять фор-стенъга-стаксель! — грянуло над кораблём.

— Что это такое? — раскрыл рот Шурка. — Я таких слов от папы и не слыживал!

— Поставить бом-кливер, грот-марсель и фок! — словно взорвалось и пошло греметь на капитанском мостике.

«Мамочки, как же это мальчишки-матросы не путаются?» — совсем опешил Шурка, а непонятные команды всё гремели и гремели, и мальчишки их понимали.

Они, как шустрые белки, взлетали по верёвочным лестницам вверх, бегали под самым небом по реям-перекладинам, ловко распускали полотняные паруса.

Корабль ожил, стал медленно разворачиваться.

— И нас возьмите! — нестройно закричали с набережной старички бывшие матросы.

— И нас прокатите! — зашумели внучата-карапузики.

Капитан широко развёл руками: извините, мол, не могу! Одни из вас очень старенькие, другие маленькие, брать таких пассажиров на борт не разрешается.

— Охо-хо, — вздыхали печальные старички. — Где ты, наша буйная молодость?

— Оё-ёй, — говорили внучата, — уж скорей бы немножко состариться, что ли...

А красавица «Медуза», огромными лепестками выгнув паруса и чуть накренив мачты, стремительно пошла догонять убегающий горизонт.

Свежий ветерок посвистывал в канатах-снастях. Над мачтами летело солнце. За кормой кружились чайки.

Ошалевшие от счастья папа, мама и Шурка грянули песню:

Мы кито-кито-бои!
 Отчаянный народ!
 Над бездной штормовую
 Тим-тим-летим вперед!
 Пусть волны брызжут пеной —
 Они нам не страшны!
 Нам море по колено,
 А волны — хоть бы хны!

Капитан захохотал:

— Ну, насчёт китобоев вы, братцы, перестарались! Наш клипер китов не добывает, он ходит за морской капустой. А что касается погоды, так это верно. Нас начинает изрядно покачивать.

Палуба и на самом деле ходила ходуном. Она то вставала на дыбы, то уходила из-под ног отвесной горю.

— Не дрогнем! — опять начала храбриться мама и даже попробовала протереть парусом забрызганные очки.

— Нам хоть бы хны! — крикнул Шурка и кулаком вытер нос.

А папа сказал:

— Мы уже в мировом океане, пора отметить наше местонахождение на глобусе.

Но едва папа вынул карандаш, как «Медуза» опять накренилась, глобус выскользнул из папиных рук и, словно мяч, поскакал по капитанскому мостику. Потом запрыгал по лестнице, потом по мокрой палубе — и подкатился к раскрытому люку.

Папа кинулся за глобусом, мама за папой, Шурка — следом.

Капитан ничего этого не заметил, он смотрел вперёд.

А глобус подпрыгнул, перескочил высокий порог и полетел в корабельный трюм.

Папа хотел ухватить глобус за подставку, мама поймала папу за ногу, Шурка вцепился в мамино платье, но все не удержались и полетели вслед за глобусом.

Хорошо, что на дне трюма лежала мягкая, как мочало, морская капуста, а то бы все трое сломали себе шеи. Но врезались в капусту всё-таки глубоко, а когда выпутались, обнаружили вокруг себя темноту. Лишь высоко над головами светился квадратный люк.

Шурка помазал слюнями ободранное колено, сказал:

— Ого! Мы словно в животе у кашалота!

Мама пошарила вокруг, спросила:

— Где мои очки?

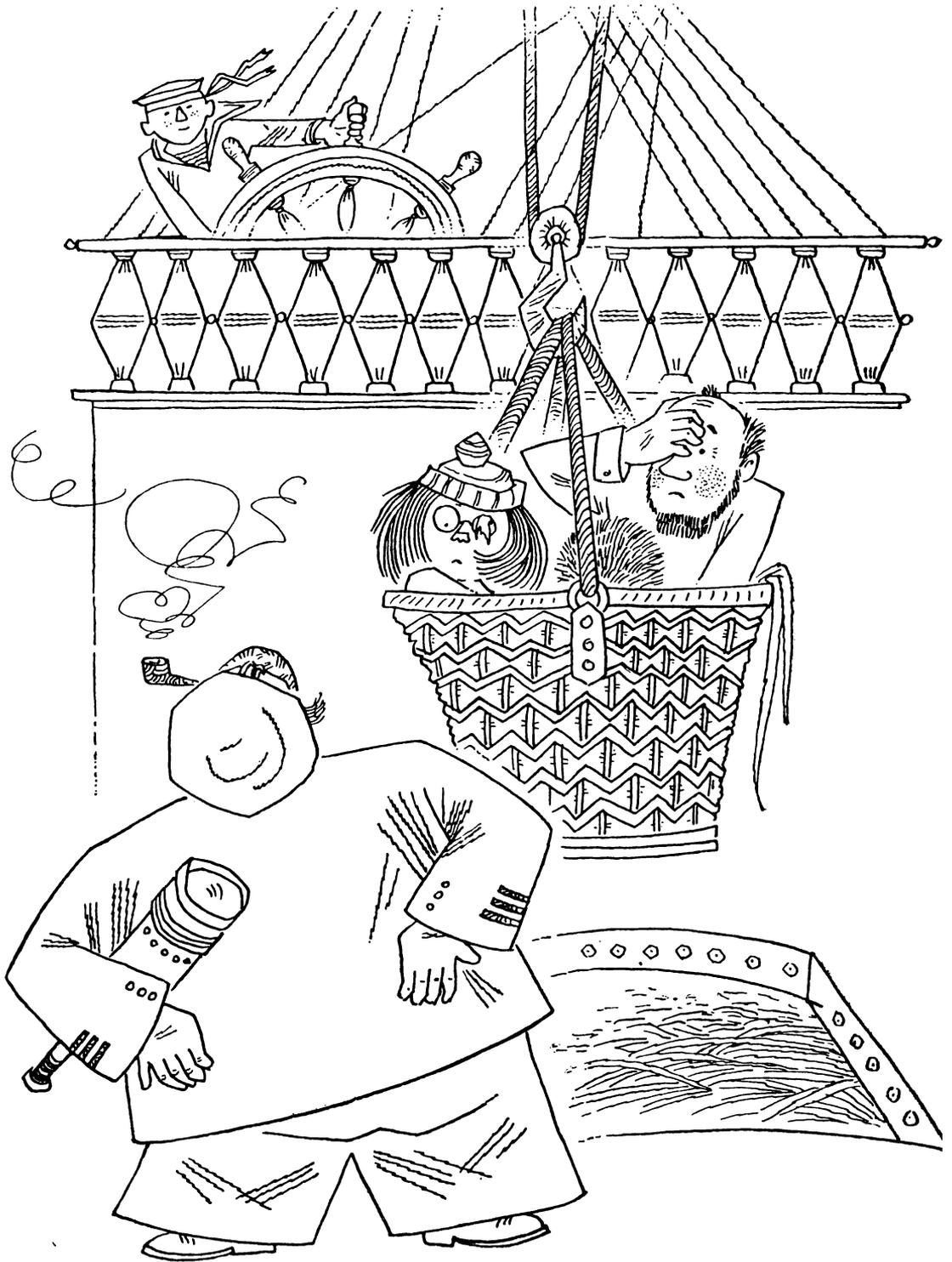
Папа лазил в темноте по капусте, искал мамины очки и помалкивал. Он один был во всём виноват и очень хорошо это понимал.

Спустя минуту он осмелился и заговорил:

— Вот если бы в моей трубке был табак, а в кармане спички, мы бы сразу отсюда выбрались. Здесь валяется какой-то ящик, мы бы сели на него, я бы поднакурил, как тогда в комнате, и нас бы вынесло наверх.

— Перестань фантазировать! — сказала мама. — Тут и без табаку не продохнёшь. У меня кружится голова, я вот-вот упаду в обморок.

А наверху началась паника. Яша-Капитан вдруг обнаружил, что гостей рядом нет, и гаркнул:

— Свёртывай паруса! Спускай шлюпку! Гости за бортом!

Мальчишки-матросы кинулись исполнять команду, а Яша-Капитан схватил подзорную трубу, но, кроме волн, вокруг ничего не было видно.

— Потонули! — ёкнуло Яшино сердце. — С ручками, с ножками потонули!

Он побежал с мостика на корму и тут нечаянно заглянул в трюм. Там, в темноте, копошились горе-утопленники.

— Отставить шлюпки, приготовить кран-балку! — командовал Капитан.

Матросы развернули над люком кран-балку, спустили в трюм большую корзину, и вот над палубой всплыли три всклокоченные головы.

— Китобои несчастные! — забранился Яша и тут же принялся «несчастных» обнимать и осматривать: — Хоть кости-то целы ли? Ну и напугали вы меня!

— Простите, мы больше не будем, — пролепетала мама.

Её очки были залеплены морской капустой. В них треснуло и второе стёклышко. Мама почти ничего не видела.

— Мы нечаянно, — сказал папа и принялся ощупывать продавленный глобус.

— Ну, что там нечаянно, — сказал Капитан, снимая капусту с папиной бороды. — Это я виноват, не распорядился захлопнуть крышку. Всё думал, как бы капуста не прокисла.

В эту печальную минуту один Шурка держался мужественно. Ему синяки и царапины были привычны. Он сказал:

— Подумаешь! Сейчас умоемся — и можно плыть дальше.

— Ох, вряд ли, — простонала мама. — У меня подкашиваются ноги.

— Мне тоже что-то не по себе, — проговорил папа. Он чуть не обронил глобус обратно в трюм.

— А ну, покажите языки! — приказал Капитан. — Больше, больше... Вот так! Ну, ясно: с перепугу вы захворали морской болезнью. Придется поворачивать назад. Жаль, да ничего не поделаешь.

И тут Капитан дал команду поворачивать назад, и «Медуза», едва не черпнув бортом воды, направилась к берегу.

На пристань больных сводили под руки.

Шурка всхлипывал. От досады.

Папа бубнил:

— Крах! Позор!

Мама вытирала слёзы:

— Крах! Позор! Поражение! А ещё хотели стать настоящими моряками! Да, выходит, мы и наполовину-то не вытянули.

А тут ещё старички-морячки принялись жалеть папу. Увидев его бородку, они решили, что папа тоже старичок, и зашамкали:

— Охо-хо! Видно, и у вас прошла буйная молодость. Видно, и вам теперь сидеть, смотреть за внучатами.

Капитан потихоньку подмигивал старичкам: не надо, мол, не расстраивайте человека. Да куда там! Старички, знай, всё наговаривали и наговаривали папе об ушедшей молодости.

И Шурке пришлось не легче. Его обступили малыши, они жаловались:

— Ты-то вот сходил в море! Ты-то хоть и свалился в трюм, но сходил. А нас не беру-у-ут! Нас не пускают! Нас никуда не пускают. Даже по газонам, по травушке-муравушке побегать нельзя-а-а!

До Яшиной квартиры едва добрались.

Там все легли, кто на койку, кто на раскладушку, кто на диван, стали горевать.

Горевали весь день.

Яша-Капитан сбегал на базар, купил семь сортов рыбы, накормил гостей булябезом. Гости вычистили тарелки, но с горя так и не поняли, вкусно было или нет.

Мама ворчала:

— Дался тебе этот глобус! Если бы не глобус, мы бы стали Моряками.

— Может, и стали бы, — смиренно отвечал папа. — Но и без глобуса тоже нельзя. Когда мы вернёмся, как я расскажу школьникам о нашем путешествии? Никак! Без глобуса они могут и не поверить. А тут, пожалуйста, весь наш путь отмечен красным карандашом, а на месте катастрофы вмятина.

И вот, когда в круглое окно заглянула большая синеморская луна, папа поднялся с раскладушки, подумал, подумал и сказал:

— Яша, друг, дай-ка мне в трубочку табачку.

Мама насторожилась, Капитан протянул папе коробку с табаком.

— А теперь, Яша, дай мне огонька.

Яша набил свою трубку, чиркнул спичкой, дал прикурить папе и прикурил сам. У мамы с Шуркой сделались глаза по чайному блюдечку. А Капитан с папой сели верхом на стулья друг против друга и давай дымить.

Капитан выпустил облако — и папа облако.

Капитан пустил колечко — и папа колечко.

Капитан — завитушку, а папа — колечко, завитушку, да ещё завитушку, а над ней опять облако.

Мама соскочила с кровати, распахнула окно, а папа прямо на глазах начал веселеть. У него даже лысина засияла. И вдруг он трахнул по стулу кулаком.

— Всё! Придумал! Как закурил, так сразу придумал! С позором отсюда мы не уедем. — Он схватил кастриюлю с необыкновенными цветами: — Вот наше спасенье!

— Но сейчас ночь.

— Пусть ночь! Мы всё равно не уснём. Вперёд!

— Всегда вперёд!

Из-под кровати выглянула черепаха. Она одобрительно закивала головой. Она хоть и маленькая, но тоже понимала, что при любом крахе лежать и вздыхать — самое последнее дело.

На причальных тумбах набережной по-прежнему сидели морячки-старички. Только без внучат. Внучата-карапузики давным-давно разошлись по домам и спали в кроватках. А старички всё смотрели на залитый лунным светом морской простор, всё зябко ёжились, прятали руки в тёплые рукава.

— Так и есть! — сказал папа. — У них бессонница. Это прекрасно.

Он подошёл к старичкам, начал с ними шептаться. Со стороны, при луне, они были похожи на заговорщиков. Папа размахивал руками, старички согласно кивали носами, оглядывались и вдруг начали скидывать бушлаты.

— Эге, — произнёс Капитан, — здесь что-то будет.

— Здесь будут цветочные волны! — сказал папа, осматривая широкую набережную. — Такие, как в нашем саду. Понял?

— Понял и приступаю к делу.

Яша-Капитан моментально закатал рукава, мама осмотрела свой сарафан, сказала:

— Жаль, что нет фартука. Ну да ладно.

А Шурка спросил:

— Где взять лопаты? Где взять синие и белые цветы? У нас только необыкновенные, да и тех — кустик.

Но лопаты нашлись у старых моряков, они сходили за ними домой, а синих и белых цветов было полно на город-

ских клумбах. Эти цветы нужно было только пересадить так, как придумал папа.

И вот работа закипела.

Если бы синеморцы в эту ночь не спали, им бы показалось, что в их городе высадились пираты-кладоискатели. По всей набережной глухо стучали торопливые шаги, раздавалось кряхтенье и пыхтенье, звенели острые лопаты, пахло разрытой землёй.

Луна испугалась, поползла за тучку.

Но делу не помешала и темнота. У одного старичка нашёлся фонарик, и Шурка светил папе узеньким электрическим лучом. Папа завершал самое главное: он рассказывал по волнам цветочных рыбок. Он говорил:

— Пусть необыкновенные цветы остаются здесь, раз они сюда прилетели. Верно, Шурка?

Шурка ответил:

— Верно!

А Яша-Капитан и мама подумали, что бы им сделать такое замечательное, и выбрали среди газона-лужайки два развесистых дерева. Из-под деревьев они убрали сердитые надписи:

По газонам не ходить!
На газонах не сорить!

И написали новые:

Здесь по траве, по мураве
Ходите, хоть на голове!

А потом повесили качели.

Мама сказала:

— Вот! А то бедным карапузикам тут и заняться нечем. На корабли их не пускают, в городе по траве бегать не разрешают.

Яша-Капитан сказал:

— А теперь пусть бегают, пусть качаются-закаляются. Кто на качелях триста раз качнётся, тот никогда не захворает морской болезнью.

В общем, все трудились, все так старались, что не заметили, как промелькнула ночь.

А когда наступило утро, город Синеморск ахнул!

И первыми ахнули дворничихи.

Они проснулись раньше всех. Они пришли подметать набережную, но застыли в изумлении.

И пороняли метлы, пороняли совки.

Потом сделали «налево кругом!» и помчались нажимать на звонки, стучать в двери, будить горожан.

Перепуганные горожане скидывали одеяла, совали босые ноги кто во что, одевались кое-как — и бежали на улицу, словно произошло землетрясение.

Бежали малыши в трусах, но без маек.

Скакали булочники в белых чепчиках, но фартуки задом наперёд.

Неслись мальчишки в брюках клёш, но босиком.

Припрыгали здоровенные дяденьки-рыбаки: на ком один левый сапог, на ком правый.

И только brave моряки все до единого были одеты по форме. Фуражки на них сидели по всем правилам, ноги

обуты как полагается, а чёрные кители застёгнуты на каждую пуговку. Моряков никакое событие врасплох застать не могло.

Моряки мчались первыми, за ними валили валом горожане, а навстречу им катило свои волны новое море.

Только тут горожане опомнились.

— Ура! Теперь у нас целых два моря! Синее да Цветочное. Кто это придумал?

— Вот кто! — с гордостью показал Яша-Капитан на своих друзей. А те стояли среди цветочных волн и старались глядеть совсем в другую сторону. Из скромности. Гости из Даль-городка отряхивали колени от налипшей глины, синеморские старички разглаживали усы испачканными в земле ладошками.

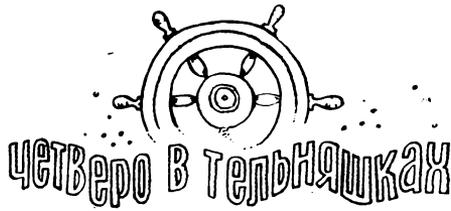
— Мо-лод-цы! — грохнули горожане враз. Помолчали, набрали побольше воздуха и грянули ещё раз:

— Мо-лод-цы!
За труды, за море-сад
Вам и слава, и виват!
За старанья ваши все
И почет вам, и — гузе!

— Что такое «гузе»? — посмотрел Шурка на Капитана.

— То же самое, что «ура». Только по-морскому, по-старинному.

А вокруг началось такое столпотворение, что ни в сказке сказать, ни пером описать, и даже нарочно не выдумать. На синеморской набережной начался необыкновенный праздник.

— Трах! — взвилась над берегом Цветочного моря жёлтая ракета.

— Бах! — взлетела над берегом Синего моря красная ракета.

— Трам-тарарам! Трам-тарарам! — заиграл на «Медузе» мальчишечий оркестр, и весь город пустился в пляс меж двух морей.

Мальчишки, босые пятки, пошли вприсядку.

Булочки, белые чепчики, — вприскокку.

Дяденьки, сапоги на одной ноге, заплясали с притопом, с вывертом, а блистательные моряки отбивали каблучками чечётку-яблочко. Словом, кто во что горазд!

Один толстый гражданин снял шляпу и стал на цыпочках подкрадываться к самому яркому цветку-рыбке. И — бац! — накрыл цветок шляпой. Ему показалось, что рыбка вот-вот уплывёт.

Все захохотали, а матросские внучата-карапузики разбежались, как цыплята, по зелёной лужайке, облепили качели.

Вверх —

Вниз!

Вверх —

Вниз!

Был

Писк!

Был
Визг!

Тётеньки-дворники, и те попробовали, качнулись. Качнулись, одобрили:

— Гоже! Для такого хорошего дела одной лужайки и двух деревьев нам не жаль.

Шурка тоже накачался всласть. А когда малыши зашумели: «Хватит! Хватит! Слезай!» — побежал разыскивать в толпе своих. Но сразу не нашёл, а столкнулся с Микой и Никой.

Они единственные не веселились, они единственные грустили.

Они плелись к Синему морю со своими лотками-ящичками.

— Что, братцы-дельцы, много наторговали?

Мика с Никой печально повесили головы:

— Да какая теперь торговля! Глаза бы не смотрели... Вот пойдём и утопим все камешки. Зря мы их тащили из Даль-городка.

— А вот и не зря! Хотите, докажу, что не зря?

— Пхе! Как ты докажешь? Теперь-то известно, что камешки никуда не годятся.

— А вот и годятся! Смотрите-ка. — Шурка принялся раскладывать камешки вдоль Цветочного берега. Он раскладывал их то цепочкой, то вразбежку, то маленькими кучками по два, по три, а то и по пять штук сразу.

Шурку окружил народ.

— Гляньте! Гляньте! У Цветочного моря и волны как настоящие, а берег стал как взаправдашний — в гладких камешках. Откуда они взялись? Недавно их не было.

— Это мы принесли! Вот, в ящичках, на собственных шеях! — похвастались Мика с Никой и просияли.

— Бесплатно принесли? — не поверили горожане.

— Выходит, что бесплатно!

— Значит, вы тоже молодцы?

— Значит, мы тоже молодцы! — совсем развеселились братья. — Выходит, и нам «гузе» полагается.

Теперь, глядя на них, никто бы и подумать не смог, что это прежние Мика с Никой: братья пристроились к тем, кто отплясывал меж двух морей, и сами начали взбрыкивать, словно козлики.

А на них уставилась Розовая Дама. Она явилась позже всех, потому что натягивала новые сапожки. На улицу без новых сапожек Дама не выскочила бы, случись хоть настоящее землетрясение, хоть наводнение, хоть пожар.

Она пришла, уселась на причальную тумбу так, чтобы сапожки были повыше, и заметила Мику с Никой. И чуть не упала с тумбы. Такими весёлыми она увидела своих детей в первый раз.

— Подвох! — не поверила собственным глазам Дама. — Подвох, подвох, подвох!

Она хотела остановить Мику с Никой, да подумала, что сапожки запылятся, а их ещё никто не видел, и осталась на тумбе.

Но самое интересное случилось после пляса. Когда улеглась пыль, поднятая клёшами, шлёпанцами и босыми пятками, когда музыканты стали протирать мокрые мундштуки труб, на другую тумбу влез Яша-Капитан.

— Граждане синеморцы! Начинается срочное заседание.

Все посмотрели, на что бы присесть, но, так как сесть было не на что, стали заседать стоя.

— Дорогие, почтенные граждане! — сказал Капитан. — За то, что теперь у нас не одно, а целых два моря, мы должны гостей наградить.

— Да, должны! Непременно должны! — хором согласились почтенные граждане.

— За качели должны! За лужайку должны! — подхватили малыши-карапузики.

— Тогда голосуем, — крикнул Яша-Капитан. — Кто согласен, поднимите руку!

Каждый поднял руку.

— Прекрасно! — улыбнулся Капитан. — А теперь голосуйте, кто против. Есть кто-нибудь?

— Есть! — выкрикнула Дама, хотела поднять обе руки, но чуть не упала с тумбы, на которой сидела.

Публика засмеялась, Дама упрямо повторила:

— Я всё равно против.

— Почему?

— Да потому что не вижу, какая от Цветочного моря польза. Его что, можно надевать на ноги, да? Как, например, вот эти сапоги, да?

Она хотела ещё что-то сказать, но все зашумели:

— Хватит, хватит! Причём тут сапоги?

И Розовая Дама обиженно отвернулась, а Яша-Капитан опять крикнул:

— Ну, если награждать, то будем награждать. Только чем?

И тут все примолкли, все задумались.

Все стояли, чесали затылки, тихонько переговаривались:

— Чем? Чем? Ну, чем?

И, наверное, так шептались бы, чемкали целый час, да всех выручили малыши. Они крикнули:

— Надо выдать гостям тельняшки! Это лучшая награда в мире! О тельняшке мечтает каждый человек!

Горожане перестали раздумывать, снова грянули хором:

— Выдать гостям тельняшки! Настоящие, полосатые, морские!

И бухнул оркестр.

И Яша-Капитан гаркнул:

— Эй, на «Медузе!» Три лучших матроса! Парадным шагом! С тельняшками на руках! Курс на гостей! Шаго-ом марш!

Оркестр зарокотал барабанами, и по сходням парадным шагом...

По сходням парадным шагом спустился всего-навсего один мальчик-матрос.

— Что-о? — загремел Капитан. — Отставить! Почему команда не выполнена?

Матрос вытянул руки по швам.

— Товарищ капитан, разрешите доложить: свободных тельняшек нет! Свободные тельняшки в стирке, они замочены.

Торжество срывалось. Яша-Капитан затоптался, не зная, как быть. Он взял под козырёк, сконфуженно наклонился к маме.

— Извините, может немножко обождём?

— Нет, нет! — замахала руками мама. — Пускай тельняшки выжмут и несут. Это ничего, что мокрые.

Яша-Капитан выпрямился.

— Тельняшки выжать! Тельняшки принести! Да не три, а четыре!

— Четвёртая для Ладушкина! — догадался папа.

И вот опять всё пошло как надо.

Дальгородцы натянули мокрые тельняшки — папа на пиджак, Шурка на рубаху, мама на сарафан — и сразу стали похожи на Бывалых Моряков!

А горожане... А почтенные горожане глянули на себя, увидели свои босые ноги, свои ночные сорочки — и горожан как ветром сдунуло! Они кинулись — домой! домой! — одеваться.

Берега Синего и Цветочного морей опустели, там остались только трое в тельняшках да их самые лучшие друзья: старички-моряки и Яша-Капитан.

Впрочем, нет! Там всё ещё сидела на тумбе сердитая Дама, а рядом с Шуркой переминались с ноги на ногу Мика с Никой.

Мика потрогал Шуркину обновку, вздохнул:

— Ничего себе, тельняшечка!

Ника печально добавил:

— От такой тельняшечки и я бы не отказался.

И тут Шуркина мама сказала Капитану:

— Яша, этих мальчиков тоже надо чем-нибудь наградить. Ведь они тоже помогали строить Цветочное море.

У Мики с Никой заблестели глаза, Дама на тумбе насторожилась, а Капитан всплеснул руками и пробасил:

— Верно! Совершенно верно! И как это я забыл, что Мика с Никой тоже помогали делать Цветочное море. Правда, они помогали немножко, но... — Тут Капитан полез рукой в карман своего кителя. — Правда, они помогали совсем немножко, но этим мальчикам я всё равно кое-что подарю! — сказал он и вытащил две запасные капитанские пуговицы с якорями.

— А кроме того, — добавил Капитан, — я возьму вас с Шуркой на «Медузу». Конечно, когда подрастёте.

— Верно, Капитан, верно! — подхватили старички. — Из этих ребят, если они постараются, тоже выйдут отличные мореплаватели.

Мика с Никой схватили пуговицы, Шурка заплясал на месте, а Дама на тумбе опять закричала :

— Я против! Вы не только заставили моих детей таскать камни, вы не только заставили их строить Цветочное море, вы ещё собираетесь отправить их в ужасные морские путешествия? Я не слезу с тумбы до тех пор, пока вы не перестанете мучить меня и моих детей! Я буду сидеть на тумбе весь день, всю ночь, триста лет и три года — пускай весь город видит мои мучения...

Но тут Мика с Никой подхватили её под руки и стащили с тумбы.

— Пожалуйста, не мучайся! — сказали они. — Пожалуйста, разреши нам стать моряками. — И повели свою «маню» домой.

Дама упиралась. Её сапоги покрывались пылью. Над Цветочным морем всё тише и тише раздавались её печальные вздохи: «Ох-ох! Ох-ох!» А мама помахала Даме рукой и сказала:

— Теперь пора и нам в путь!

— Да, в путь! — сказал папа, и путешественники пошли укладывать чемоданы.

Багажа в дорогу набрался целый вагон: когда селись в поезд, посыпались подарки.

Яша-Капитан принёс коробку табаку «Вулкан» для папиной трубки и знакомую всем черепаху — для мамы.

Старички прикатали подержанный штурвал.

А потом примчались Мика с Никой, отозвали Шурку в сторонку и сунули ему в ладонку одну из капитанских пуговок.

— Что вы! — изумился Шурка. — Дарёное не дарят.

— А мы не навсегда... А мы не навсегда... Одна пуговка останется у нас, а эту мы дарим тебе до новой встречи. До встречи на «Медузе».

— До того времени, когда мы вместе поплывём в дальние моря! — понял и засмеялся Шурка.

— Да! — засмеялись Мика с Никой. — До того времени, когда мы вместе будем ловить настоящих японских крабов.

А папа услышал и сказал:

— Вот хорошо! С краба наши приключения начались, крабом и кончаются.

В это время поезд свистнул, тронулся.

— До свидания! — закричал Яша-Капитан.

— До свидания! — закричала мама провожающим. — До свидания и, пожалуйста, приезжайте к нам поскорее в гости. Теперь у нас все несчастья кончились, теперь мы встретим вас очень весело...

Да, теперь было совсем весело!

Теперь бывшие Моряки-Наполовину распевали песенку, только что сложенную Шуркой:

Если нету моря —
Охать ни к чему!
Придумать-сделать море
Можно самому.
Чтоб море было с нами,
И надо-то всего
Пошевелить мозгами,
Пошевелить руками,
А больше ничего!

— А больше ничего! А больше ничего! — постукивали, подпевали колёса в лад пассажирам.

Ну, а как встретил их почтальон Ладушкин, что происходило в городке, когда путешественники слезли с поезда, рассказывать уже и не надо...

Скажу на прощанье только о том, что цветочные волны колышутся теперь на всех улицах Дальгородка;

Ладушкин сразу примерил капитанский подарок и стал четвёртым в тельняшке;

мама завела себе новые очки;

Шурка растёт, изо всех сил старается, он ждёт приглашения на «Медузу»;

а папина трубка дымит по-настоящему! Но при этом папа, конечно, открывает форточку, и вам известно — почему!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая.	Обитатели красного домика	5
Глава вторая.	Невезучий краб и любознатель- ный почтальон	12
Глава третья.	Розовая семейка	17
Глава четвёртая.	Чудесные семечки	23
Глава пятая.	Штормовой вечер	28
Глава шестая.	Опять вилливауз	32
Глава седьмая.	Спасите наши души	39
Глава восьмая.	Главный Конструктор и необык- новенная танцовщица	44
Глава девятая.	Великий час	51
Глава десятая.	Путь-дорога	57
Глава одиннадцатая.	Настоящее Синее море	62
Глава двенадцатая.	«Медуза»	69
Глава тринадцатая.	Крах! Конфуз! Поражение!	78
Глава четырнадцатая.	Как ахнул город Синеморск	84
Глава пятнадцатая.	Четверо в тельняшках	89

**КУЗЬМИН
ЛЕВ ИВАНОВИЧ**

ЧЕТВЕРО В ТЕЛЬНЯШКАХ

**ПОВЕСТЬ
для детей младшего
школьного возраста**

Художник Светлана Можаява

**Редактор А. Зебзеева. Художественный редактор М. Тарасова. Технический редактор
В. Филиппов. Корректор Е. Божанова.**

Сдано в набор 2/VI 1969 г. Подписано в печать 19/VIII 1969 г.
Формат бумаги тип. 2 70×90¹/₁₆. Печ. л. 6,25; бум. л. 3,125
(усл.-прив. л. 7,3125), уч.-изд. л. 6,005. Тираж 30 000 экз.
Цена 30 коп. Пермское книжное издательство. Пермь, Карла
Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления по печа-
ти. Пермь, Коммунистическая, 57. Заказ 973.